Sophie Kovalevska: Une nihiliste.

НИГИЛИСТКА

СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ

ЦѢНА 2 ФРАНКА

ЖЕНЕВА

Вольная русская типографія

1892

Въ бумагахъ Софьи Васильевны Ковалевской нашлось двѣ разновременныхъ редакціи печатаемаго романа. Ни та, ни другая не отличаются полнотой и законченностью. Нѣкоторыя главы написаны по-шведски. Онѣ прочитаны были авторомъ въ литературномъ обществѣ въ Стокгольмѣ. Имѣя въ виду цензурныя стѣсненія, Софья Васильевна рѣшалась издать свой романъ на одномъ изъ иностранныхъ языковъ и вступила съ этой цѣлью въ переговоры съ французскими и англійскими издателями. Предназначая его для иностранной публики, она сочла нужнымъ внести въ свое изложеніе нѣкоторыя подробности, излишнія для русскаго читателя, и на двухъ-трехъ страницахъ упомянула о фактахъ еще слишкомъ недавнихъ и черезчуръ памятныхъ. При содѣйствіи извѣстной шведской писательницы, Анны Шарлоты Лефлеръ, герцогини Гайянелло, друзьямъ покойной удалось установить одинъ общій текстъ изъ двухъ оставленныхъ редакцій. Несомнѣнно, что многое подверглось бы исправленію и дополненію при пересмотрѣ рукописи и въ корректурахъ, если бы смерть не застигла Софьи Васильевны

въ самый разцвѣтъ ея литературной дѣятельности. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ приходится печатать ея работу, романъ представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ самъ по себѣ, такъ и по тому свѣту, какой онъ бросаетъ на нравственный обликъ писательницы. Ушедши въ науку, Софья Васильевна не потеряла связи съ русской дѣйствительностью. Не состоя сама въ рядахъ какой-либо политической партіи, она тѣмъ не менѣе не относилась безучастно къ самоотверженному служенію общественнымъ задачамъ. Ея сочувствіе не препятствовало однако объективному отношенію къ изображаемой ею жизни. Безъ этого, разумѣется, оставленные ею литературные труды не имѣли бы того художественнаго значенія, какое приходится признать за ними, несмотря на ихъ неотдѣланность.

НИГИЛИСТКА

I

Мнѣ было двадцать два года, когда я поселилась въ Петербургѣ. Мѣсяца три передъ тѣмъ я окончила курсъ въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ и съ докторскимъ дипломомъ въ карманѣ вернулась въ Россію. Послѣ пятилѣтней уединенной, почти затворнической жизни въ маленькомъ университетскомъ городкѣ петербургская жизнь сразу охватила и какъ будто опьянила меня. Забывъ на время тѣ соображенія объ аналитическихъ функціяхъ, о пространствѣ, о четырехъ измѣреніяхъ, которыя еще такъ недавно наполняли весь мой внутренній міръ, я теперь всей душой уходила въ новые интересы, знакомилась направо и налѣво, старалась проникнуть въ самые разнообразные кружки и съ жаднымъ любопытствомъ присматривалась ко всѣмъ проявленіямъ этой сложной, столь пустой по существу и столь завлекательной на первый взглядъ сутолокѣ, которая называется петербургской жизнью. Все меня теперь интересовало и радовало. Забавляли меня и театры, и благотворительные вече-

ра, и литературные кружки съ ихъ безконечными, ни къ чему не ведущими спорами о всевозможныхъ абстрактныхъ темахъ. Обычнымъ посѣтителямъ этихъ кружковъ споры эти уже успѣли пріѣсться, но для меня они имѣли еще всю прелесть новизны. Я отдавалась имъ со всѣмъ увлеченіемъ, на которое способенъ болтливый по природѣ русскій человѣкъ, проживщій пять лѣтъ въ нѣметчинѣ, въ исключительномъ обществѣ двухъ-трехъ спеціалистовъ, занятыхъ каждый своимъ узкимъ поглощающимъ его дѣломъ и не понимающихъ, какъ можно тратить драгоцѣнное время на праздное чесаніе языка. То удовольствіе, которое я сама испытывала отъ общенія съ другими людьми, распространялось и на окружающихъ. Увлекаясь сама, я вносила новое оживленіе и жизнь въ тотъ кружокъ, гдѣ вращалась. Репутація ученой женщины окружала меня извѣстнымъ ореоломъ; знакомые всѣ чего-то отъ меня ждали, обо мнѣ успѣли уже прокричать два-три журнала; и эта еще совсѣмъ новая для меня роль знаменитой женщины хотя и смущала меня немного, но все же очень тѣшила на первыхъ порахъ. Ну, словомъ, я находилась въ самомъ благодушномъ настроеніи духа, такъ сказать, переживала свою lune de miel извѣстности и въ эту эпоху своей жизни, пожалуй, готова была бы воскликнуть: „все устроено наилучшимъ образомъ въ наилучшемъ изъ міровъ“. Сегодня я находилась въ особенно благодушномъ настроеніи. Вчера была на вечерѣ въ редакціи одного новаго, только что открывшагося журнала, гдѣ и мнѣ было предложено сотрудничать. Это новое дѣло живо увлекало всѣхъ участниковъ, и редакторскія субботы отличались необычайнымъ оживленіемъ. Я вернулась домой въ третьемъ часу ночи, встала сегодня поздно, долго провозилась за своимъ утреннимъ чаемъ и съ интересомъ пробѣжала нѣсколько газетъ. Увидавъ объявленіе, что продается по случаю рѣзной книжный шкафъ, я съѣздила его посмотрѣть; по дорогѣ встрѣтилась на конкѣ съ одной знакомой дамой, состоявшей, подобно

мнѣ, членомъ комитета только что открывшихся высшихъ женскихъ курсовъ, потолковала съ ней „о дѣлахъ“, побывала еще у двухъ-трехъ знакомыхъ и, часамъ къ четыремъ вернувшись домой, сидѣла теперь въ покойномъ креслѣ передъ затопленнымъ каминомъ и съ удовольствіемъ оглядывала свой нарядный кабинетъ. Послѣ пятилѣтняго мытарства по различнымъ меблированнымъ комнатамъ у нѣмецкихъ хозяекъ я была теперь довольно чувствительна къ новому для меня удовольствію своего уютнаго уголка. Въ передней позвонили. „Кто бы это былъ?“ подумала я, перебирая въ головѣ имена своихъ разнообразныхъ знакомыхъ, и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ кинула взглядъ въ зеркало, чтобы убѣдиться, въ порядкѣ ли мой туалетъ. Въ комнату вошла высокая молодая женщина въ простой суконной шубкѣ. По близорукости я не сразу могла рѣшить, знаю ли эту особу или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что черный головной платокъ почти совсѣмъ скрывалъ ея лицо, оставляя открытымъ лишь маленькій, правильный слегка подрумяненный морозомъ носикъ. Любезно, хотя и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ во взглядѣ, поднялась я навстрѣчу гостьѣ. „Извините меня, что я рѣшилась васъ обезпокоить, хотя и не знаю васъ лично“, заговорила вошедшая. „Я Вѣра Баранцова. Впрочемъ вы врядъ ли помните мое имя, хотя родители наши и были сосѣдями по имѣнью. Недавно я прочла о васъ въ газетахъ. Я знаю, что вы долго учились заграницей и о васъ повсюду идетъ молва, что вы хорошій и серьезный человѣкъ. Вотъ мнѣ и пришло въ голову, что вы можете помочь мнѣ совѣтомъ“. Все это пришедшая проговорила торопясь и залпомъ, но чрезвычайно пріятнымъ, груднымъ голосомъ. Я была и смущена и польщена этимъ доказательствомъ собственной извѣстности. Въ первый разъ незнакомый человѣкъ обращался ко мнѣ за совѣтомъ. — „Ахъ, я очень рада! Пожалуйста садитесь. Да снимите же вашу шубку“, забормотала я привѣтливо, тоже сильно конфузясь. Вѣра сбросила съ головы черный платокъ.

Я была поражена, увидавъ такую красавицу. „Я совсѣмъ одна на свѣтѣ и ни отъ кого не завишу. Моя личная жизнь кончена. Для себя я ничего не жду и не хочу. Но мое страстное, мое пламенное желаніе — это быть полезной „дѣлу“. Скажите, научите меня, что мнѣ дѣлать“, проговорила Вѣра вдругъ, безъ предисловія, сразу приступая къ цѣли своего визита. Отъ всякой другой это странное, неожиданное начало могло-бы поразить непріятно, показаться битьемъ на эффектъ, но Вѣра говорила такъ просто, въ голосѣ ея слышалась такая искренняя, взволнованная, умоляющая нотка, что я и не подумала удивиться. Эта высокая, стройная дѣвушка съ матово-блѣднымъ лицомъ и съ задумчивыми синими глазами стала мнѣ вдругъ необыкновенно близка и симпатична. Одинъ только былъ у меня страхъ, что я не оправдаю ея довѣрія, не съумѣю отвѣтить, какъ слѣдуетъ, на ея обращеніе, не смогу дать ей никакого полезнаго совѣта. И собственная жизнь послѣднихъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ вдругъ показалась мнѣ пустой и мелочной; всѣ наполнявшіе меня интересы утратили смыслъ и значеніе; внезапный упрекъ совѣсти кольнулъ меня въ сердце. „Что я ей скажу? Чѣмъ я помогу ей“?

Не зная, съ чего начать, я пригласила Вѣру присѣсть и приказала подать чай. Въ Россіи ни одинъ разговоръ по душѣ не обходится безъ самовара. Что поразило меня въ Вѣрѣ съ перваго часа нашего знакомства, это полнѣйшее равнодушіе ко всему внѣшнему. Она походила на тѣхъ ясновидящихъ, зрѣніе которыхъ такъ поражено присутствіемъ видимаго имъ одинмъ предмета, что не способно къ воспріятію другихъ впечатлѣній. — Я спросила ее, давно ли она въ Петербургѣ, хорошо ли устроилась въ отелѣ? Но на всѣ эти банальные вопросы Вѣра отвѣчала разсѣянно и съ нѣкоторымъ недовольствомъ. Мелочи жизни, видимо, ни мало не занимали ея. Хотя ей ни разу не приходилось еще жить въ Петербургѣ, но столичная жизнь не удивляла и не интересовала ея. Она всецѣло была за-

нята одной мыслью—найти назначеніе, цѣль въ жизни. Меня сильно влекло къ этой молодой дѣвушкѣ, столь непохожей на тѣхъ, какихъ я знала прежде. Я постаралась поэтому заслужить ея довѣріе, проникнуть въ сокровеннѣйшія ея мысли. На ея вопросъ я отвѣтила, что не могу дать ей совѣта, пока не узнаю ея ближе. Я попросила Вѣру бывать у меня возможно часто и разсказать мнѣ все ея прошлое. Вѣра сама только и думала о томъ, какъ бы высказаться, и на всѣ мои вопросы отвѣчала съ рѣзкой откровенностью. Не прошло многихъ недѣль, и я проникла въ ея сердце и стала читать въ немъ на столько ясно, на сколько одной женщинѣ возможно читать въ сердцѣ другой.

II

Семья графовъ Баранцовыхъ знатная, дворянская семья, хотя и нельзя сказать, чтобы она была очень старшнаго рода. Ея оффиціальная родословная выведена, правда, чуть-ли не до Рюрика, но въ полной достовѣрности сего документа позволено сомнѣваться; вполнѣ установлено лишь то, что нѣкій Ивашка Баранцовъ служилъ рядовымъ въ ротѣ Ея Величества императрицы Екатерины II-ой, съ лица былъ кровь съ молокомъ, а ростомъ косая сажень, и такъ съумѣлъ заслужить передъ матушкой Государыней, что за вѣрную службу сразу былъ произведенъ въ капралы и пожалованъ помѣстьемъ въ 500 душъ крестьянъ и тысячью рублями — души были дешевы, а деньги дороги въ то время. Съ этой поры началось процвѣтаніе рода Баранцовыхъ. Графскимъ титуломъ они были пожалованы Александромъ I-ымъ, при дворѣ котораго красивая графиня Баранцова играла нѣкоторое время очень видную роль. Впрочемъ въ семейныхъ лѣтописяхъ этого рода, за послѣдніе 100 лѣтъ, насчитываются не одни только успѣхи; терпѣлъ онъ и превратности. Всѣ Баранцовы отличаются пылкостью и необузданностью желаній, и свойство это не разъ вводило ихъ въ бѣду. Не одно богатое помѣстье, не одна доходная волость были ими за это время проиграны въ карты или спущены на лошадей и на красавицъ. Въ судьбѣ Баранцовской семьи наступало тогда временное помраченіе; но по милости Божьей эта легкая тучка скоро разсѣевалась солнышкомъ государевой милости. Кто-нибудь изъ Баранцовыхъ всегда умудрялся во-

время сослужить службу царю и отечеству, и новыя богатыя помѣстья являлись на мѣсто утраченныхъ, такъ что въ общей сложности семья продолжала рости и преуспѣвать. Но если помѣстья быстро спускались и быстро наживались въ ихъ родѣ, за то одно драгоцѣнное наслѣдство переходило у нихъ неизмѣнно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну и отъ матери къ дочери — это была необыкновенная, такъ сказать, фамильная красота. Всѣ Баранцовы хороши собой. Не только уродовъ или безобразныхъ, но и просто дурнушекъ между ними не полагается. Какъ-бы испытывая естественное влеченіе къ красотѣ или инстинктомъ предугадывая Дарвина, всѣ графы Баранцовы женились на красавицахъ, всѣ ихъ дочери находили себѣ красавцевъ мужей; такъ что теперь фамильный типъ установился прочно и такъ хорошо извѣстенъ въ русской аристократіи, что если вамъ скажутъ про кого: у него или у нея совсѣмъ Баранцовское лицо и въ вашемъ воображеніи не выступитъ тотчасъ же опредѣленный образъ — высокій, статный ростъ, матово-бѣлое продолговатое лицо съ легкимъ, прозрачнымъ румянцемъ на щекахъ, низкій, широкій лобъ съ тонкимъ узоромъ синеватыхъ жилокъ на вискахъ, черные какъ воронье крыло волосы и синіе, съ черными рѣсницами глаза — то это значитъ, что вы къ аристократіи не принадлежите и въ дѣлахъ of the upper ten thousands въ Россіи ничего не смыслите.

Этотъ Баранцовскій типъ такой прочный и живучій, что въ доброе старое крѣпостное время въ немъ замѣтили даже способность переходить на крестьянъ и на дворню въ графскихъ имѣньяхъ. Удивительное было дѣло! Стоитъ только самому барину или молодымъ господамъ погостить у себя въ усадьбѣ, непремѣнно потомъ, въ той или другой крестьянской избѣ — и при томъ все въ такихъ, гдѣ бабы молодыя и пригожія — родится на свѣтъ ребенокъ, ну вылитый маленькій Баранцовъ, съ такими же тонкими, благородными чертами лица, какъ и у дѣтей въ господскомъ домѣ.

Графъ Михаилъ Ивановичъ Баранцовъ былъ достойнымъ отпрыскомъ своего семейства. Красавецъ собой, онъ имѣлъ счастье родиться въ началѣ царствованія Николая, въ періодъ полнаго расцвѣта петербургской гвардіи. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ кирасирскомъ полку, сокрушивъ множество женскихъ сердецъ и честно заслуживъ себѣ между товарищами лестное прозвище „гроза мужей“, онъ, въ молодыхъ еще годахъ, влюбился безъ памяти въ дальнюю свою родственницу Марью Дмитріевну Кудрявцеву, тоже носившую на своемъ красивомъ, точно выточенномъ рѣзцомъ великаго художника лицѣ явную печать Баранцовскаго рода. Встрѣтивъ съ ея стороны взаимность, онъ обвѣнчался съ ней и продолжалъ служить. Можетъ быть, онъ дослужился бы до высокихъ чиновъ, но въ началѣ царствованія Александра II го съ нимъ случилась маленькая непріятность, причина которой тоже лежала въ бурной Баранцовской крови и въ роковой Баранцовской красотѣ. Приревновавъ свою красавицу жену къ другому гвардейскому офицеру, онъ вызвалъ его на дуель и убилъ наповалъ. Исторію затушили съ грѣхомъ пополамъ, но молодому графу все же неловко было оставаться послѣ этого въ своемъ полку: онъ былъ вынужденъ подать въ отставку и уѣхать въ имѣнье, которое только что унаслѣдовалъ отъ своего отца, скончавшагося какъ разъ въ пору.

Это было въ 1857 году. Въ Петербургѣ ходили уже неясные слухи о предстоящей эманципаціи крестьянъ, но до Борковъ, такъ звали имѣнье графовъ Баранцовыхъ, эти слухи еще не доходили. Тамъ все еще шло добрымъ, старымъ порядкомъ. Какъ велико было въ то время состояніе графа Михаила Ивановича, въ точности не зналъ никто, всѣхъ менѣе онъ самъ. Имѣнье было большое, хотя и далеко не такихъ уже размѣровъ, какъ прежде. Покойникъ папаша, будь ему добрая память, тоже любилъ пожить себѣ въ удовольствіе, и еще при немъ была вырублена большая часть лѣса, и продано не мало десятинъ луговъ. Михаилъ Ивано-

вичъ послѣ почти 15-ти лѣтней службы въ кирасирахъ, разумѣется, не безъ долговъ оставилъ Петербургъ. Свое правленіе онъ началъ съ того, что для покрытія старыхъ грѣховъ продалъ еще порядочный кусочекъ земли да и на остальное имѣнье выдалъ новую закладную. Пока однако все это устраивалось благополучно, и графа не безпокоили. Староста былъ молодецъ; все умѣлъ устроить безъ шуму, безъ лишнихъ разговоровъ: когда барину нужны были деньги, онѣ всегда оказывались у него подъ рукой.

Въ эпоху ихъ переселенія въ деревню графъ Михаилъ Ивановичъ и графиня Марья Дмитріевна, не смотря на трехъ подростающихъ дочерей, все еще были и считали себя очень молодыми людьми. Заботъ и обязанностей они за собой никакихъ не вѣдали, и никто не отрицалъ за ними права жить въ полное себѣ удовольствіе.

Жизнь и въ деревнѣ пошла прежнимъ путемъ, веселая и вольная. Все въ домѣ еще при покойномъ баринѣ было заведено на широкую, барскую ногу: 30 выѣздныхъ лошадей на конюшнѣ, англійскій садъ, оранжереи и теплицы, масса праздной, лѣнивой дворни. Единственное измѣненіе, которое привезли съ собой молодые господа, состояло въ томъ, что къ затѣямъ стараго барства они присоединили много разныхъ столичныхъ болѣе утонченныхъ прихотей, о которыхъ прежде въ деревнѣ не грезили. Въ парадныхъ комнатахъ перебили всю мебель шелковой матеріей. Полы и окна прежде стояли голые — теперь всюду разостлали ковры и навѣсили портьеры. Лакеи ходили прежде въ засаленныхъ сюртукахъ съ барскаго плеча — теперь имъ пошили форменныя ливреи. Кухню отдали въ распоряженіе повара, учившагося въ Англійскомъ клубѣ, а въ дѣвичьей къ толпѣ доморощенныхъ горничныхъ, съ утра до ночи занятыхъ шитьемъ, вышиваньемъ, плетеньемъ кружевъ, присоединили еще франтоватую камеристку изъ вольныхъ.

Своимъ примѣромъ молодые господа имѣли благо-

творное вліяніе и на сосѣдей. Губернаторъ въ рѣчи, произнесенной имъ на обѣдѣ въ честь новопріѣзжихъ, сказалъ не даромъ, что они внесли новую жизнь въ губернію. Дѣйствительно, съ ихъ пріѣздомъ началась эра праздниковъ, пировъ и удовольствій. Никто не хотѣлъ ударить въ грязь лицомъ передъ столичными гостями. Помѣщики и помѣщицы стряхивали съ себя деревенскую лѣнь. Прежнія безхитростныя забавы, тяжелые именинные обѣды, карты и пляска замѣнились теперь болѣе утонченными, такъ сказать, интелектуальными удовольствіями. Въ первый же годъ послѣ переѣзда графовъ Баранцовыхъ въ имѣніе въ ихъ губерискомъ городѣ состоялся любительскій спектакль, концертъ съ живыми картинами и маскарадъ по подпискѣ.

И Михаилъ Ивановичъ и Марья Дмитріевна были въ восторгѣ отъ произведеннаго ими въ губерніи впечатлѣнія и оба вполнѣ прониклись важностью своей, такъ сказать, цивилизаторской миссіи. Графъ произнесъ даже на одномъ офиціальномъ обѣдѣ спичъ о значеніи англійской gentry и о желательности, чтобы русскіе помѣщики превратились въ англійскихъ landlord'овъ.

Графиня тоже трудилась не мало для облагораживанія провинціальныхъ нравовъ. Она считала себя обязанной выписывать дорогіе туалеты изъ Петербурга. Домъ Баранцовыхъ былъ всегда открытъ для гостей. Обѣдъ былъ поздній, по городскому, и всѣ домашніе были обязаны переодѣваться передъ обѣдомъ, какъ водится у англичанъ. За закуской подавалась не простая очищенная, а англійская горькая.

Домъ Баранцовыхъ, тяжеловѣсной старинной постройки съ каменными стѣнами аршина въ два толщиной, по наружному виду напоминалъ огромный четыреугольный ящикъ, къ которому, Богъ знаетъ для чего, прилѣплены въ разныхъ мѣстахъ фантастическіе фонари и балкончики. Вообще онъ былъ того опредѣленнаго, хотя, кажется, еще ни въ одномъ учебникѣ архитектуры не отмѣченнаго стиля, который слѣдовало бы

назвать крѣпостнымъ стилемъ. Всего было много, матеріяломъ всюду сорили, но все было какъ-то грубо и топорно. На всемъ было видно, что домъ этотъ строился въ такое время, когда трудъ былъ даровой и всѣ обходились домашними средствами. Кирпичи обжигались на своемъ заводѣ, паркеты изготовлялись изъ своего лѣса и своими крѣпостными; даже архитекторъ, дѣлавшій планъ, и тотъ былъ крѣпостной.

По внутреннему расположенію комнатъ домъ Баранцовыхъ тоже не отличался отъ большинства помѣщичьихъ домовъ того времени: наверху жили господа, внизу были дѣтскія; подвальный этажъ былъ отведенъ подъ кухню и для прислуги.

До подвальнаго этажа графиня спускалась только въ Свѣтлый праздникъ, когда шла христосоваться со всей дворней; но въ дѣтскія она иногда заглядывала и въ простые дни, когда позволяло ей время, т. е., когда не было гостей, или она сама не собиралась въ гости —это впрочемъ случалось не очень часто.

Въ дѣтскихъ Баранцовскаго дома росли и развивались три барышни на попеченіи двухъ гувернантокъ, изъ которыхъ одна M-lle Julie была высокая, очень живая и разговорчивая брюнетка неопредѣленнаго возраста, а другая M-me Night—почтенная вдовица со строгимъ монументальнымъ лицомъ, обрамленнымъ крупными сѣдыми буклями. Сверхъ этихъ двухъ гувернантокъ при дѣтяхъ состояло еще не мало другаго народа: старая няня, горничная Анисья и дѣвченка для побѣгушекъ.

Ну, словомъ, все было такъ, какъ и слѣдовало быть въ порядочномъ барскомъ домѣ. Всѣ три барышни были высоки для своихъ лѣтъ; у всѣхъ троихъ были отличные густые волосы, которые по утрамъ заплетались въ косу, а къ обѣду распускались по плечамъ, и всѣ три обѣщали со временемъ быть красавицами.

Двѣ старшихъ Лена и Лиза стояли, такъ сказать, уже на порогѣ дѣтской и въ скорости имъ предстояло выпорхнуть въ гостиную. Одной изъ нихъ было 14,

другой 13 лѣтъ. Обѣ онѣ уже со страстнымъ любопытствомъ прислушивались къ каждому доносящемуся до нихъ отголоску изъ верхняго этажа и обѣ сильно роптали на то, что ихъ водятъ еще въ коротенькихъ платьяхъ.

Третья барышня Вѣра была еще совсѣмъ маленькой дѣвченкой, лѣтъ восьми, съ кругленькимъ румянымъ лицомъ и съ тѣмъ страннымъ созерцательнымъ взглядомъ, который почти всегда бываетъ въ глазахъ ребенка, живущаго своей особой дѣтской жизнью. Она пока ни на что не роптала. Какъ у всѣхъ дѣтей, жизнь которыхъ идетъ правильно, въ ней были сильно развиты консервативные инстинкты; ко всему окружающему она была привязана безсознательною, животною привязанностью холеннаго комнатнаго звѣрька и ей еще ни разу не приходило въ голову усумниться въ достоинствахъ кого-нибудь изъ ея близкихъ. Ея мама была лучшая изъ мамъ, ея дѣтская—лучшая изъ дѣтскихъ.

Да и дѣйствительно все въ домѣ шло прекрасно. Всякій сверчекъ зналъ свой шестокъ и всѣмъ жилось мирно, покойно, какъ всегда бываетъ во всякомъ обществѣ, гдѣ есть прочные устои, и гдѣ отдѣльной личности не предоставлено биться головой объ стѣну, ища какого-то своего собственнаго, отдѣльнаго исхода.

Вообще о любви и думалось, и шепталось, и мечталось не мало въ нижнемъ, какъ и въ верхнемъ этажѣ Баранцовскаго дома.

Да и что въ самомъ дѣлѣ, кромѣ радостей и печалей любви, могло, казалось, перерѣзать прямую, ровную, какъ полотно, дорогу, расплавшуюся предъ всѣми тремя барышнями Баранцовыми. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ ихъ жизнь была опредѣлена и предусмотрѣна напередъ. У папы съ мамой совсѣмъ было рѣшено, что Митино пойдетъ въ приданное за Леной, Степино — за Лизой, а Борки достанутся младшей — Вѣрѣ.

Знали тоже и графъ и графиня, что въ свое время,

годика черезъ три-четыре, непремѣнно явится какой нибудь гусаръ или драгунъ и уведетъ Лену; потомъ немного погодя, явится другой гусаръ и уведетъ Лизу. А тамъ придетъ чередъ и за Вѣрой.

Будутъ дѣти жить не въ Боркахъ, а въ другомъ домѣ, будетъ имъ прислуживать не Анисья, а другая какая-нибудь горничная, но за этими маленькими измѣненіями повторитъ каждая мамину судьбу, какъ и мама повторила судьбу бабушки. Все это было очень просто и очень вѣрно и зналось само собой, не думая, какъ знается то, что и завтра будетъ обѣдъ и послѣзавтра.

Но всѣ эти вѣрные и несомнѣнные разсчеты внезапно пересѣклись однимъ неожиданнымъ событіемъ, т. е., по правдѣ сказать, событіе это было не совсѣмъ неожиданное, такъ какъ уже лѣтъ двадцать о немъ говорилось, къ нему готовилась вся Россія; но какъ и всѣ великія событія, оно имѣло то свойство, что, когда наконецъ совершилось, всѣмъ показалось, что оно налетѣло врасплохъ и застало всѣхъ неприготовленными.

Первую тѣнь этого грядущаго событія увидѣла Вѣра при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1860 года былъ у Баранцовыхъ семейный обѣдъ, на которомъ кромѣ обычныхъ тетушекъ, бабушекъ и близкихъ сосѣдей, присутствовалъ еще одинъ рѣдкій и почтенный гость — дядюшка изъ Петербурга, важный сановникъ въ какомъ-то министерствѣ. Пріѣхалъ онъ всего сегодня поутру и за обѣдомъ, разумѣется, почти что одинъ говорилъ, разсказывалъ разныя новости изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, о которыхъ по газетамъ ничего вѣдь не узнаешь.

Однако во время обѣда графиня нѣсколько разъ перебила его, именно тогда, когда разсказъ становился всего оживленнѣе. „Stépan! prenez garde“, говорила она, таинственно кивая головой на разносившихъ блюда лакеевъ, хотя эти послѣдніе и сохраняли обычную вполнѣ безучастную мину.

Послѣ дессерта перешли въ гостиную. Графъ самъ удостовѣрился, закрыты ли двери во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ. „Vous pouvez parler, Stépan!“ сказалъ онъ торжественно

Вѣра сидѣла на колѣняхъ у новаго дядюшки, съ которымъ она уже успѣла подружиться. На нее не обратили вниманія, думая, вѣроятно, что она еще ничего не пойметъ.

„C'est fait! L'empereur a souscrit le projet qui lui a été présenté par la comission“, торжественно проговорилъ дядюшка.

У мамы, разливавшей въ эту минуту кофе, безсильно опустились руки; ложечка зазвенѣла о блюдечко, и нѣсколько капель кофе пролились на дорогую скатерть. „Mon Dieu, mon Dieu“! проговорила она, падая въ кресло и закрывая лицо руками.

Всѣ присутствующіе сидѣли какъ ошеломленные дядиными словами.

„Неужели, дѣйствительно, совсѣмъ уже рѣшено“, тихимъ, насильственно спокойнымъ голосомъ спросилъ папа.

„Совсѣмъ и нерушимо! Въ началѣ февраля манифестъ разошлютъ по всѣмъ приходскимъ церквамъ, чтобы 19-го объявить его народу“, помѣшивая свой кофе, отвѣчаетъ дядя.

„Значитъ остается теперь только положиться на милость Божью“, со вздохомъ говоритъ папа.

Нѣсколько минутъ общаго тяжелаго молчанія.

„Господа, да вѣдь что-жъ это? По моему это грабежъ да и только“, раздается вдругъ голосъ старика, Семена Ивановича — папинаго дяди. Онъ вскакиваетъ въ волненіи со своего мѣста и ударяетъ кулакомъ по столу. Бѣлые волосы развѣваются вокругъ его разгоряченнаго, гнѣвнаго лица.

„Не кричите, дядя, Бога ради! Les domestiques peuvent entendre“, пугливо умоляетъ мама.

„Да объясните же вы мнѣ, наконецъ, что же это такое будетъ? Значитъ слушаться насъ теперь переста-

нутъ, такъ что ли", съ растеряннымъ и обиженнымъ видомъ вмѣшивается въ разговоръ старая тетка Арина Ивановна.

„Не приставай съ пустяками, сестра, нетерпѣливо отстраняетъ ее рукой папа, дай распросить Степана обо всемъ толкомъ, какъ слѣдуетъ".

Мужчины собираются кучкой вокругъ Степана Михайловича, который начинаетъ что-то горячо толковать. Дамы всѣ продолжаютъ отчаиваться. Comment est-ce que l'empereur, qui a l'air si bon, peut nous faire tant de peine, удивляется одна изъ нихъ.

Человѣкъ входитъ убрать кофе. Всѣ моментально смолкаютъ.

„Барышня, вы оставались сегодня въ гостиной послѣ обѣда. Не слыхали ли, о чемъ господа толковали", спрашиваетъ позднимъ вечеромъ Анисья, укладывая маленькую барышню спать.

Изъ того, что говорилось въ гостиной, Вѣра поняла, что всему ихъ семейству грозитъ какая-то бѣда. Никто и не подумалъ о томъ, чтобы приказать ей молчать, но кастовая жилка уже такъ сильна въ породистомъ звѣрькѣ, что она отвѣчаетъ съ достоинствомъ: „я ничего не слыхала, Анисья"!

Хотя теперь уже всѣмъ извѣстно, что манифестъ не только подписанъ Государемъ, но и разосланъ по всѣмъ приходамъ, однако до послѣдняго дня, до послѣдней минуты господа продолжаютъ бояться, чтобы прислуга, неравно, этого не услыхала.

Прислуга съ своей стороны и виду не подаетъ, что что-либо знаетъ, и всѣ разговоры въ передней и въ буфетѣ столь же живо смолкаютъ при приближеніи кого-нибудь изъ господъ, какъ разговоры въ гостиной при появленіи кого-либо изъ людей.

Но вотъ наступило наконецъ это грозное, это давно ожидаемое, это чреватое послѣдствіями 19-ое февраля. Вся семья Баранцовыхъ ѣдетъ въ церковь. Послѣ обѣдни священникъ прочтетъ манифестъ.

Къ 9 часамъ утра уже всѣ въ домѣ готовы и одѣ-

ты. Все сегодня дѣлается лихорадочно и въ то же время торжественно, въ родѣ того, какъ бываетъ, напримѣръ, когда ѣдутъ на похороны. Всѣ боятся промолвить лишнее слово.

Дѣти и тѣ чувствуютъ инстинктомъ важность и торжественность сегодняшняго дня, ведутъ себя тихо и смирно и ни о чемъ не смѣютъ распрашивать.

У параднаго подъѣзда стоятъ двѣ коляски. Экипажи вычищены съ иголочки; на лошадяхъ лучшая сбруя; кучера въ новыхъ кафтанахъ. Папа тоже во всемъ парадѣ, въ мундирѣ и съ орденами. Мама въ дорогой бархатной мантилькѣ; дѣти разряжены, какъ куколки.

Въ переднюю коляску садятся господа: графъ и графиня на переднемъ, три дѣвочки на заднемъ сидѣніи. Въ другомъ экипажѣ размѣщаются гувернантки, экономка и управляющій. Остальная дворня отправляется въ церковь пѣшкомъ. Кромѣ малыхъ ребятъ и выжившаго изъ ума стараго Матвѣя никого не остается дома.

До церкви три версты. Во время дороги мама часто подноситъ къ глазамъ раздушенный платокъ. Папа сурово молчитъ.

Вся площадь передъ папертью черна народомъ. Собралось тысячи двѣ-три мужиковъ и бабъ изъ окрестныхъ деревень. Издали кажется, что это одна сплошная масса сѣрыхъ зипуновъ, среди которыхъ то здѣсь, то тамъ краснѣетъ яркій бабій головной платокъ.

„Ce spectacle me fait mal! Je pense involontairement à 89“, истерически бормочетъ графиня.

„De grace, taisez-vous ma chère“, взволнованнымъ шепотомъ отвѣчаетъ графъ.

И сегодня, какъ и всегда по праздникамъ, церковный сторожъ поджидаетъ на колокольнѣ появленія господской коляски, и, лишь только она показывается на поворотѣ дороги, колокола начинаютъ звонить.

Церковь набита биткомъ; кажется, яблоку негдѣ упасть; но по старой закоренѣлой привычкѣ вся эта сплошная толпа почтительно разступается передъ го-

сподами и пропускаетъ ихъ впередъ, на ихъ обычное мѣсто у праваго клироса.

„Міромъ Господу помолимся". Провозглашаетъ священникъ, выходя изъ алтаря въ полномъ облаченіи.

„И духове твоему". Отвѣчаетъ хоръ пѣвчихъ.

Вся эта густая, сѣрая, темная масса молится сегодня, какъ одинъ человѣкъ, сосредоточенно, изступленно. Мужики и бабы часто крестятся и кладутъ земные поклоны. Смуглыя, суровыя, изборожденныя глубокими морщинами лица, какъ судорогой, сведены напряженностью молитвы и ожиданія.

Храмъ воздыханья, храмъ печали,
Убогій храмъ земли моей,
Тяжеле вздоховъ не слыхали
Ни Римскій Петръ, ни Колизей.

Но сегодня не вздохи и не стоны слышатся въ этомъ храмѣ. Сегодня въ немъ, да не только въ немъ одномъ, но и въ каждой изъ многихъ ста тысячъ церквей земли русской, возносятъ къ небу такія жаркія, преисполненныя безконечной вѣры и страстнаго упованія молитвы, какія, можетъ быть, ни разу, съ тѣхъ поръ какъ земля стоитъ, не возносились заразъ цѣлымъ, стомилліоннымъ народомъ.

„Господи Владыко нашъ! Смилуешься-ли ты надъ нами? Скорбь наша велика и многолѣтня! Будетъ-ли теперь лучше"?

Что-то скажетъ царскій манифестъ? До сихъ поръ даже и господамъ содержаніе его извѣстно только по слухамъ. Въ доподлинности-же никто еще ничего не знаетъ, такъ какъ манифесты разосланы священникамъ, запечатанные казенной печатью, которая будетъ взломана лишь по окончаніи обѣдни.

Отъ необычнаго скученія чернаго народа и отъ множества зажженныхъ свѣчей въ маленькой спертой церкви, не смотря на открытыя двери и окна, становится нестерпимо душно. Тяжелый запахъ потнаго платья и грязныхъ сапогъ смѣшивается съ гарью восковыхъ свѣчей и съ благоуханіемъ ладона. Дымъ кадила си-

ными клубами возносится кверху. Воздуха не хватаетъ; грудь вздымается тяжело и болѣзненно, и это физическое страданіе отъ затрудненнаго дыханія, присоединяясь къ напряженности ожиданія, становится нестерпимой мукой, вызываетъ чувство безотчетнаго страха.

„Скоро-ли, скоро-ли“? истерически шепчетъ графиня, судорожно сжимая руку мужа.

Священникъ выноситъ крестъ. Проходитъ добрыхъ полчаса, пока всѣ присутствующіе успѣваютъ къ нему приложиться. Кончилось наконецъ прикладываніе. Священникъ на минуту скрывается въ алтарѣ и затѣмъ снова появляется на амвонѣ; въ рукахъ у него свертокъ гербовой бумаги, съ котораго виситъ большая казенная печать.

Глубокій, протяжный вздохъ проносится по церкви, словно вся толпа вздохнула заразъ, одной грудью. Но въ эту минуту происходитъ неожиданное замѣшательство. Огромное большинство народа, которому не удалось пробраться въ церковь, спокойно оставалось на паперти, пока шла обѣдня, но теперь терпѣнія не хватаетъ. Въ открытой настежь двери толпа дѣлаетъ дружный и неожиданный натискъ впередъ, происходитъ нѣчто невообразимое. Люди, стоящіе впереди, кучами валятся на ступеньки амвона. Крики, ругательства, стоны, визгъ дѣтей.

„Mon Dieu! mon Dieu! prenez pitié de nous“! чуть не плачетъ графиня, хотя ей, подъ защитой клироса, и не грозитъ никакой опасности. Дѣти тоже внѣ себя отъ страха.

Черезъ нѣсколько минутъ порядокъ въ церкви возстановленъ. Снова безмолвная, напряженная, благоговѣйная тишина. Всѣ слушаютъ жадно, сдерживая дыханіе, порой только вырвется глухой, сдавленный свистъ изъ груди старика, страдающаго одышкой, или заплачетъ грудное дитя; но мать такъ поспѣшно, такъ испуганно принимается его укачивать, что ребенокъ смолкаетъ моментально.

Священникъ читаетъ медленно, нараспѣвъ, растягивая слова, такъ-же, какъ онъ читаетъ евангеліе.

Манифестъ написанъ канцелярскимъ, книжнымъ языкомъ. Мужики слушаютъ, не переводя духа, но, какъ они ни напрягаютъ свои головы, изъ этой грамоты, рѣшающей для нихъ вопросъ—быть или не быть, одни отдѣльныя слова доходятъ до ихъ пониманія. Общій смыслъ остается для нихъ темнымъ. По мѣрѣ того какъ чтеніе приближается къ концу, страстная напряженность ихъ лицъ мало-по-малу исчезаетъ и замѣняется выраженіемъ тупаго, испуганнаго недоумѣнія.

Священникъ кончилъ чтеніе. Мужики все еще не знаютъ навѣрное, вольные они или нѣтъ, и главное,—жгучій, жизненный для нихъ вопросъ, — чья теперь земля? Молча, понуривъ головы, толпа начинаетъ расходиться.

Господская коляска подвигается шагомъ среди кучекъ народа. Мужики раздвигаются передъ ней и снимаютъ шапки, но не кланяются, какъ бывало, въ поясъ и хранятъ странное, зловѣщее молчаніе.

„Ваше графское сіятельство! Мы ваши, вы наши“! Раздается вдугъ среди общей тишины смѣлый, пьяный голосъ, и ледявый мужичонка, въ изодранномъ тулупѣ, безъ шапки, уже успѣвшій напиваться, пока шла обѣдня, бросается къ коляскѣ, стремясь на бѣгу прикоснуться губами къ господской ручкѣ.

„Не суйся“! злобно отстраняетъ его рослый парень съ угрюмымъ, мрачнымъ лицомъ.

Вечеромъ того-же дня вся семья Баранцовыхъ собрана въ маленькой гостиной графини. Кромѣ домашнихъ и M-lle Julie тутъ еще и тетушка Арина Ивановна и дядюшка Семенъ Ивановичъ. Въ обыкновенное время всѣ сидятъ по вечерамъ въ разныхъ комнатахъ, но сегодня чувство общей бѣды заставляетъ всѣхъ держаться вмѣстѣ, тѣсной кучкой. Мама лежитъ на кушеткѣ въ мигрени. M-lle Julie прикладываетъ ей свѣжіе компрессы къ вискамъ. Папа, заложивъ руки

за спину, расхаживаетъ по комнатѣ мрачный и задумчивый. Дядюшка забился въ уголъ и глубокомысленно сопитъ. Тетушка раскладываетъ гранъ-пасьянсъ, время отъ времени громко вздыхая.

На дворѣ поднялась къ вечеру страшная мятель; въ трубѣ словно живой кто-то возится и завываетъ тоскливо и протяжно.

Вдругъ налетитъ порывъ вѣтра, хлопнетъ ставней, загремитъ желѣзными листами на крышѣ. Графиня всякій разъ вздрогнетъ и привскочитъ на кушеткѣ. Въ комнатѣ становится все темнѣй и темнѣй. Ампель на столѣ, какъ ее ни заводи, горитъ тускло и копотно; очевидно, слѣдовало-бы подлить масла. Но всѣ дѣлаютъ видъ, будто этого не замѣчаютъ. Прислуга вся сегодня разбѣжалась куда-то, и никому не хочется встать и позвать лакея.

„Мужики у лѣсковскаго барина намедни домъ спалили“! Выговариваетъ неожиданно тетушка.

„И не то еще спалятъ“! Слышится изъ угла зловѣщее карканье стараго дяди.

„Да, заварили кашу! — Продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ унылымъ, пророческимъ голосомъ. — Посмотримъ, каково ее будетъ расхлебывать. Пусть вотъ она, онъ указываетъ рукой на M-lle Julie, поразскажетъ намъ, каково было у нихъ въ 89 году“.

„Mon Dieu! mon Dieu! que l'avenir est terrible“! нервно шепчетъ мама.

„Полноте вздоръ болтать! Русскій мужикъ не якобинецъ“. Папа говоритъ спокойно, ободряюще, но видно, что тонъ этотъ напускной, что онъ самъ далеко не спокоенъ.

„Ахъ нѣтъ, Michel, мужикъ нашъ звѣрь, мужикъ нашъ хуже французскаго“! Мама въ волненіи привстаетъ на кушеткѣ и опирается на локоть. „Ты вѣдь знаешь, что мужики насъ ненавидятъ...“

Въ сосѣдней комнатѣ скрипитъ дверь. Всѣ вздрагиваютъ и пугливо оглядываются. У мамы вырывается испуганное „ахъ“!

Это пришелъ Степанъ доложить, что чай поданъ.

Вѣрѣ пора ложиться спать. Въ дѣтской никого нѣтъ. Она отворяетъ дверь въ корридоръ. Снизу изъ людской, гдѣ ужинаютъ люди, доносятся неясные звуки голосовъ, звонъ ножей о тарелки, раскаты хохота.

Вѣрѣ строго запрещено бѣгать въ людскую; но сегодня о ней забыли. Ей и страшно, и хочется взглянуть, что-то тамъ дѣлается. Нѣсколько минутъ она стоитъ въ нерѣшительности; но она не робкаго десятка; любопытство беретъ верхъ, и она стрѣлой пускается внизъ, въ подвальный этажъ.

Тамъ идетъ пиръ горой. Поутру настроеніе духа прислуги было сдержанное, даже нѣсколько подавленное; боязно было еще вѣрить; но къ вечеру діапазонъ повысился. За ужиномъ откуда-то взялась водка; всѣ подпили, сдержанности не осталось и помину. У всѣхъ пылаютъ лица, глаза подернулись влагой, волосы растрепаны.

Запахъ щей и ржанаго хлѣба, смѣшанный съ тяжелыми парами водки и съ ѣдкимъ, разъѣдающимъ глаза дымомъ махорки, нестройные звуки гармоники, пьяные голоса, покрывающіе другъ друга,—вотъ что охватило Вѣру при входѣ въ людскую. При появленіи барышни все внезапно стихло и подтянулось; но только на минуту; скоро опять поднялся шумъ.

„Барышня, а барышня! Подь-ко сюда! Не бось! — Послышался пьяный голосъ кучера.—Что, господа наверху плачутъ, чай? Жаль имъ, что тиранить-то насъ имъ больше не дадутъ“?

„Неправда! Неправда! Васъ никто не тиранилъ. Папа съ мамой добрые“! Эти слова крикомъ вырываются у Вѣры. Она въ безсильномъ гнѣвѣ топаетъ ногой о землю. Баранцовская кровь проснулась. Ей-бы хотѣлось ударить, прибить этихъ безстыжихъ холоповъ. Негодованіе и обида совсѣмъ заглушили въ ней страхъ.

„Не тиранили! Какъ-же! А дѣдушка-то вашъ покойный, мало на своемъ вѣку людей изувѣчилъ? Зачѣмъ онъ Андрюшку столяра не въ очередь въ солдаты

сдалъ? Зачѣмъ онъ дѣвку Аринью на скотный дворъ сослалъ"? Раздаются съ разныхъ сторонъ нѣсколько голосовъ разомъ.

Гармоника смолкла. Вся дворня собралась кучкой, и посыпались разсказы про доброе старое время — разсказы страшные, возмутительные, какіе и во снѣ не грезились Вѣрѣ.

„Но вѣдь то былъ дѣдушка, а папа съ мамой добрые"! Вѣра не кричитъ теперь; она говоритъ тихо, сквозь слезы, пристыженнымъ голосомъ.

Минутное молчаніе.

„Да, молодые господа, ничего себѣ, добрые"! Какъ бы нехотя соглашаются нѣсколько человѣкъ.

„Это теперь нашъ баринъ присмирѣлъ, а какъ холостымъ былъ, и онъ таки порядкомъ надъ нами дѣвками надругался", злобно замѣчаетъ старая подвыпившая ключница.

„Безбожники вы! Грѣховодники! Ребенка малаго не жалѣете"! Раздается вдругъ гнѣвный, негодующій гогосъ няни. Она уже давно хватилась своей питомицы и бѣгала за ней по всему дому; но ей и въ голову не приходило искать ее въ людской.

Долго не можетъ уснуть въ эту ночь Вѣра. Новыя, страшныя, унизительныя мысли бушуютъ въ ея головѣ. Она сама не могла-бы объяснить хорошенько, чего ей такъ жалко, почему ей такъ горько, такъ мучительно стыдно. Она только лежитъ въ своей постелькѣ и плачетъ, плачетъ. А снизу, изъ подвальнаго этажа, все доносится топанье ногъ, нестройные звуки гармоники и пьяныя, безсвязныя взвизгиванія плясовой пѣсни.

III

Послѣ эмансипаціи все въ домѣ сразу перемѣнилось. Доходы съ имѣнія такъ уменьшились, что пришлось все хозяйство поставить на иную ногу. Староста изъ молодца внезапно превратился въ мерзавца; то и дѣло грубилъ барину, во всемъ находилъ затрудненія и никогда не приносилъ денегъ въ срокъ. Надо было его отставить и взять новаго, но съ этимъ все пошло еще хуже. Чуть-ли не каждый день словно изъ земли выростали старые векселя и обязательства, подписанные графомъ такъ давно, что онъ и забыть о нихъ успѣлъ. При видѣ всякаго новаго векселя графъ выходилъ изъ себя, кричалъ о подлогѣ, но платить все-таки приходилось. Скоро явилась необходимость продать и Митино, и Степино, и заливные луга, и лѣсъ; остались одни только Борки съ незначительнымъ клочкомъ земли. Главная бѣда была въ томъ, что покупать имѣнья теперь мало было охотниковъ, и все шло за полъ цѣны.

Большую часть дворни пришлось распустить; та-же прислуга, которая осталась въ домѣ, съ дѣтства привыкла къ лѣни и бездѣлью и теперь ворчала съ утра до ночи на то, что ей прибавилось работы. У господъ сердиться и „быть не въ духѣ“ сдѣлалось нормальнымъ состояніемъ. Между собой они тоже постоянно ссорились; но теперешнія ссоры такъ-же мало походили на прежнія, какъ холодный обложной осенній

дождь мало походитъ на хорошій весенній ливень. Не изъ-за ревности ссорились теперь графъ съ графиней, а изъ-за денегъ, не изъ-за чего иного, какъ изъ-за денегъ. Всякій разъ когда графиня приходила просить денегъ на хозяйство, графъ осыпалъ ее упреками за расточительность, небрежность, отсутствіе порядка. Ни одинъ заказъ новаго платья ей самой или дочкамъ не обходился безъ домашней сцены. Съ другой стороны стбило графу заикнуться о поѣздкѣ въ городъ или къ кому изъ сосѣдей, чтобы у графини тотчасъ разыгрались нервы; но не хорошенькихъ сосѣдокъ опасалась она теперь, а того, что мужъ проиграется въ карты, или иначе какъ-нибудь истратитъ деньги.

Съ каждымъ днемъ дѣла шли хуже и хуже. Приходилось отказываться отъ одной прихоти за другой, но денегъ все-таки не хватало, и концы все не сходились съ концами. Какъ всѣ непрактичные люди, графъ съ графиней принялись за экономію не съ того конца, съ какого слѣдовало: въ домашнемъ обиходѣ они урѣзывали себя въ самомъ необходимомъ, дрожали надъ каждымъ кускомъ сахара, надъ каждымъ сальнымъ огаркомъ; но всѣ крупные расходы по дому и имѣнію оставались тѣ же. Управляющій, староста, экономка, поваръ, кучеръ — все это по старому наживалось на счетъ господъ, съ тою только разницею, что прежде каждый воровалъ въ мѣру и, такъ сказать, по-божески; теперь-же постоянныя сцены, попреки зря, правому и виноватымъ, вѣчныя угрозы отказать отъ мѣста ожесточали прислугу: каждый торопился нахапать какъ можно больше, на послѣдокъ, и барское добро расточалось съ азартомъ и озлобленіемъ.

Все въ домѣ носило теперь неуютный, скряжническій отпечатокъ. Подъ давленіемъ ежедневныхъ разъѣдающихъ дрязгъ и непріятностей и графъ и графиня опустились какъ-то вдругъ, внезапно. Когда Вѣра впослѣдствіи вспоминала свою мать, ей всегда представлялось двѣ различныхъ и вовсе непохожихъ другъ на друга женщины: одна молодая, красивая, жизнерадо-

стная—это мама ея дѣтства; другая—капризная, сварливая, неряшливая, отравляющая жизнь себѣ и другимъ—это мама позднѣйшаго періода.

У всѣхъ сосѣдей дѣла шли на тотъ же ладъ. Помѣщики утратили почву подъ ногами и стояли недоумѣвающіе, безпомощные, ничего не понимая въ томъ, что съ ними творилось. Объ удовольствіяхъ или весельяхъ не было и помину. Когда соберутся два-три помѣщика вмѣстѣ—сидятъ они и плачутся, и отводятъ души жалобами на мужиковъ и на правительство. Всѣ наиболѣе молодые и энергичные между ними въ отчаяніи махнули рукой на хозяйство и уѣхали въ Петербургъ искать службы. Въ усадьбахъ остались одни старики.

Лена и Лиза Баранцовы были теперь взрослыми барышнями. Обѣ изнывали отъ деревенской скуки и горько роптали на судьбу. Дѣйствительно она сыграла съ ними злую шутку. Что сталось со всѣми ихъ блестящими надеждами? Все ихъ дѣтство, все ихъ воспитаніе было, такъ сказать, только приготовленіемъ къ тому счастливому дню, когда одѣнутъ на нихъ длинное платье и выпустятъ въ свѣтъ. И вотъ пришелъ этотъ день и кромѣ скуки ничего не принесъ.

Вѣрѣ тоже жилось не особенно весело. Первая мѣра экономіи въ семьѣ Баранцовыхъ состояла въ томъ, чтобъ распустить весь персоналъ дѣтской. M-me Night отказали подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ; M-lle Julie соскучилась и сама уѣхала. Родители Вѣры рѣшили, что держать для нее одной спеціальную гувернантку было имъ не по средствамъ. Въ губернскомъ городѣ открылась въ это время первая женская гимназія; но туда поступали все больше мѣщанки, дочери мелкихъ чиновниковъ и купцовъ, и графиня Баранцова съ самого начала возымѣла отвращеніе къ этому заведенію. Рѣшено было отдать Вѣру въ Смольный монастырь. Разговоры объ этомъ шли чуть ли не годъ; наконецъ графиня написала своей старинной пріятельницѣ въ Петербургъ, прося ее хорошенько

все развѣдать объ условіяхъ пріема, и вдругъ получился неожиданный и досадливый отвѣтъ, что Вѣра уже выросла изъ тѣхъ лѣтъ, когда могла бы быть принята въ Смольный.

Графъ теперь приказалъ Ленѣ и Лизѣ заняться воспитаніемъ младшей сестры.

Но это рѣшеніе пришлось далеко не по вкусу молодымъ барышнямъ. „Въ гувернантки насъ готовили, что ли", ворчали онѣ и принялись за дѣло нехотя. Вѣра была по ихъ словамъ и глупа, и лѣнива, и непонятлива. Ни одинъ урокъ не обходился безъ слезъ. И учительницы и ученица пользовались всякимъ предлогомъ, чтобы сократить его, и такъ какъ родители, съ своей стороны, скоро повидимому забыли этотъ несчастный вопросъ о воспитаніи младшей дочери, то уроки мало-по-малу совсѣмъ прекратились, и въ четырнадцать лѣтъ Вѣра оказалась вполнѣ предоставленной самой себѣ.

Лѣтомъ еще шло кое-какъ. Она цѣлые дни проводила въ одичавшемъ паркѣ или бѣгала по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ. Крестьянскіе ребятишки ея дичились, да, по правдѣ сказать, и она ихъ боялась не меньше. Когда ей случалось проходить черезъ село, ей всегда казалось, что всѣ надъ ней смѣются и презираютъ ее; она начинала испытывать какое-то инстинктивно-враждебное чувство къ мужикамъ.

Зимой Вѣрѣ жилось еще хуже, чѣмъ лѣтомъ. Она слонялась по цѣлымъ днямъ изъ угла въ уголъ по большимъ пустымъ комнатамъ, не находя себѣ нигдѣ дѣла. Со скуки стала она было рыться въ книжномъ шкафу, но тамъ оказались одни только французскіе романы, а Вѣра уже успѣла почти совсѣмъ забыть французскій языкъ, на которомъ такъ хорошо болтала пяти лѣтъ.

Всего хуже было то, что всѣ въ домѣ постоянно были не въ духѣ. Куда ни придетъ Вѣра, всѣ между собой ссорятся, и ей отъ всѣхъ достается. Заглянетъ она къ сестрамъ — тѣ бранятся изъ-за какого-нибудь

пустяка, изъ-за тряпки, которую подѣлить не могутъ. Если же онѣ, противъ чаянія, въ добромъ между собой согласіи, то ужъ навѣрное обѣ жалуются на родителей. „Сами небось не такъ жили, когда молоды были. Спустили все состояніе, а мы теперь сиди и скучай въ деревнѣ".

Придетъ Вѣра къ матери, застанетъ тамъ сцену съ горничной или съ экономкой. Побѣжитъ она въ людскую: тамъ и того хуже.

Ну, словомъ, казалось, что всѣ только затѣмъ и жили на свѣтѣ, чтобы взаимно мучить и грызть другъ друга. Единственная въ домѣ, которая никого не мучила, никого не грызла и ни на что не жаловалась, это была старая няня. У этой только одна была забота на душѣ: какъ бы лампадка передъ образомъ въ углу ея комнатки не погасла. Дадутъ ей нѣсколько копѣекъ на покупку масла — вотъ она и счастлива и довольна. Полуслѣпую отслужившую свою службу старушку оставили при домѣ, но всѣ какъ будто о ней забыли; иногда по цѣлымъ днямъ никто и не заглянетъ къ ней за перегородку. Развѣ горничная вспомнитъ и принесетъ ей чего-нибудь поѣсть, или ея прежняя любимица Вѣра забѣжитъ къ ней вечеркомъ. Всякій разъ при входѣ въ нянину крошечную коморку, гдѣ всегда стоитъ какой-то особенный запахъ — смѣсь ладона, деревяннаго масла и камфары—удивительное чувство покоя охватываетъ Вѣру.

„Скучно няня", говоритъ она, уныло опускаясь на низенькій стулъ и прислоняя голову къ деревянному столу.

„Чего, свѣтикъ, скучать. Богу надо молиться", спокойно, ласково отвѣчаетъ няня тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ уговаривала бывало Вѣру, когда ей было пять лѣтъ.

И Вѣра, дѣйствительно, слѣдуетъ няниному совѣту и начинаетъ молиться. Молится она горячо, страстно, съ какимъ-то изступленіемъ. Увлеченіе религіей, ея обрядовой, внѣшней стороной начинаетъ мало-по-малу

наполнять праздную, скучную жизнь предоставленнаго себѣ ребенка.

Въ нынѣшнемъ году, три недѣли передъ Рождествомъ Вѣра соблюдала строжайшій постъ и въ самый сочельникъ ничего не ѣла до звѣзды. За то, когда къ началу сумерекъ пріѣхали, по обыкновенію, попы и стали служить всенощную передъ временнымъ алтаремъ, устроеннымъ въ углу столовой, она чувствовала такую пріятную слабость во всѣхъ членахъ, словно у нея не было больше тѣла и она каждую минуту была бы въ состояніи отдѣлиться отъ земли.

Синій дымъ кадилъ застилаетъ всю комнату густымъ туманомъ, сквозь который мерцаетъ пламя восковыхъ свѣчей. Проницательно-сладкій запахъ ладона вызываетъ легкое головокруженіе.

„Свѣте тихій, Святыя славы", поютъ пѣвчіе, и Вѣрѣ кажется, что голоса ихъ доносятся откуда-то издалека.

„Ничего, ничего мнѣ на свѣтѣ не надо, только служить тебѣ, Господи", думаетъ она съ умиленіемъ. Душа ея преисполнена чудной свѣтлой радости, восторженное рыданіе вырывается у ней изъ груди.

Въ этотъ самый день надъ Вѣрой совершилось чудо —по крайней мѣрѣ она сама признала чудомъ то, что съ ней случилось.

Хотя старая няня была безграмотна, она тѣмъ не менѣе хранила у себя какъ святыню нѣсколько книгъ религіознаго содержанія, изъ которыхъ иногда просила свою маленькую барышню почитать ей въ слухъ. Въ числѣ этихъ книгъ было Житіе сорока мучениковъ и тридцати мучениць. Вѣра, начавъ разъ читать, сама такъ увлеклась этой книгой, что выпросила ее у няни и зачитывалась ею по цѣлымъ часамъ.

„Зачѣмъ я не родилась въ то время"? думала она часто съ сожалѣніемъ.

Но въ самый тотъ сочельникъ, когда она въ душѣ произнесла обѣтъ всю свою жизнь посвятить Богу, случилось съ ней слѣдующее: сидѣла она вечеромъ

одна въ бывшей классной, и вдругъ попался ей на глаза старый № „Дѣтскаго Чтенія“, которое когда-то выписывали для ея сестеръ. Отъ нечего дѣлать стала она его перелистывать, и первое, что ей открылось, былъ трогательный разсказъ о трехъ англійскихъ миссіонерахъ въ Китаѣ, сожженныхъ на кострѣ разсвирѣпѣвшими язычниками. И это было всего лѣтъ пять-шесть назадъ. Въ Китаѣ и теперь язычники! Тамъ и теперь можно стяжать себѣ мученическій вѣнецъ.

„Господи! Это Ты самъ надоумилъ меня! Ты самъ указываешь мнѣ путь и призываешь на подвигъ“!

Въ волненіи и въ восторгѣ Вѣра бросилась на колѣни. Въ томъ фактѣ, что этотъ старый журналъ попался ей на глаза именно сегодня, какъ бы въ отвѣтъ на ея жаркую молитву во время всенощной, она видѣла несомнѣнное доказательство Божескаго Промысла.

Съ этого дня ея судьба была рѣшена въ ея собственныхъ глазахъ. Всѣ ея мечты приняли опредѣленный образъ и опредѣленное направленіе. Все касающееся Китая ее теперь живо интересуетъ и у нея выступаетъ румянецъ, лишь только за обѣдомъ рѣчь случайно коснется этой страны. Одного только боится Вѣра: какъ бы, чего добраго, Китай не обратился въ христіанство прежде, чѣмъ она успѣетъ совсѣмъ вырости.

IV

Домъ Баранцовыхъ стоялъ на возвышеніи; къ сѣверу гора спускалась отлого къ большому пруду, выкопанному, разумѣется, руками крѣпостныхъ людей. Здѣсь былъ разбитъ садъ въ версальскомъ вкусѣ съ прямыми, выложенными щебнемъ дорожками, съ цвѣточными клумбами въ формѣ вазъ или сердецъ и со множествомъ жасминныхъ, сиреневыхъ и липовыхъ бесѣдокъ. Когда-то эта сторона дома плѣнила бы взглядъ всякаго любителя подстриженной природы; теперь же, когда вмѣсто прежняго садовника-артиста съ цѣлымъ штатомъ помощниковъ при садѣ состоялъ всего одинъ мужикъ-самоучка, да два мальчика, онъ представлялъ жалкій, мизерный видъ. Прудъ заросъ тиной и служилъ разсадникомъ безчисленныхъ поколѣній комаровъ; бесѣдки расшатались. На дорожкахъ пробивалась трава. Ничего нѣтъ печальнѣе вычурнаго помѣщичьяго сада, когда о немъ перестанутъ заботиться.

За то съ другой, не лицевой стороны, надъ которой меньше мудрили и гдѣ природѣ было предоставлено распоряжаться по своему, и теперь было очень хорошо. Непосредственно къ дому примыкала дубовая рощица, а за ней гора крутымъ обрывомъ спускалась къ ручью, который въ половодье шумѣлъ и пѣнился, во время же засухи представлялъ изъ себя песчаную лощинку, въ самой серединѣ которой сочилась жиденькой струйкой водица. Весь обрывъ густо заросъ кустарникомъ; весной онъ стоялъ, какъ молокомъ, облитый бѣлыми душистыми цвѣтами черемухи и весь гремѣлъ пѣснями иволги, малиновки, пѣночки и раз-

ныхъ другихъ мелкихъ птичекъ. Иногда сюда прилетали и соловьи. Осенью здѣсь была масса орѣховъ и дикой малины. Зимою же его такъ заносило снѣгомъ, что онъ представлялъ одну сплошную покатую бѣлую массу, изъ которой то здѣсь, то тамъ торчали черные прутья.

Этимъ обрывомъ и заканчивались съ этой стороны владѣнія Баранцовыхъ. На противоположномъ берегу ручья шла уже земля другаго помѣщика Степана Михайловича Васильцева. Этотъ послѣдній, впрочемъ, до сего времени мало безпокоилъ графовъ, такъ какъ никогда не жилъ въ своей усадьбѣ. Домъ его деревянный и одноэтажный вѣчно стоялъ съ забитыми дверями и съ заколоченными ставнями, а запущенный садъ превратился въ зеленый, тѣнистый пустырь, въ которомъ подъ сѣнью старыхъ липъ лопухъ достигалъ громадныхъ, баснословныхъ размѣровъ и пушистыя головки куриной слѣпоты повсюду бѣлѣли рядомъ съ мелкими цвѣтами одичавшихъ колокольчиковъ, гвоздики и венериныхъ голубковъ.

Про Васильцева шла молва, что онъ очень ученый человѣкъ. Зимой онъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ состоялъ профессоромъ въ Технологическомъ институтѣ; лѣтомъ, въ каникулярное время, уѣзжалъ обыкновенно за границу; о своемъ же небольшомъ унаслѣдованномъ отъ отца имѣньи, онъ повидимому совсѣмъ и забылъ. Но въ эту достопамятную зиму передъ крыльцомъ Васильцевскаго дома остановились однажды почтовыя сани съ бубенчиками; въ саняхъ сидѣли два жандарма, а между ними самъ владѣлецъ усадьбы.

Дѣло было очень просто. Васильцевъ уже давно слылъ либераломъ и состоялъ на довольно плохомъ счету у многихъ вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ. Въ эту зиму по случаю какой-то годовщины профессора и студенты технологическаго института устроили банкетъ, на которомъ долженъ былъ присутствовать Великій Князь, высокій покровитель заведенія. Его Высочество далъ понять, что ему не желательно встрѣ-

чаться съ Васильцевымъ; послѣднему это, разумѣется, передали, но онъ отвѣтилъ, что пусть въ такомъ случаѣ ему пришлютъ офиціальное запрещеніе участвовать въ банкетѣ, въ которомъ онъ считаетъ себя однимъ изъ хозяевъ, какъ и всякій другой профессоръ; офиціальнаго запрещенія, разумѣется, не послѣдовало, и въ назначенный день онъ вмѣстѣ съ другими профессорами спокойно занялъ свое мѣсто за столомъ въ актовой залѣ института.

Дня черезъ два послѣ этого происшествія къ нему явился съ визитомъ начальникъ тайной полиціи и любезно предложилъ ему подать въ отставку и отправиться на жительство въ свое родовое имѣнье безъ права выѣзда изъ онаго. Для большей безопасности во время дороги къ нему приставили двухъ ангеловъ хранителей въ жандармскихъ мундирахъ.

При такихъ обстоятельствахъ совершилось водвореніе Степана Михайловича Васильцева въ его отцовской усадьбѣ.

Легко представить себѣ, какую сенсацію произвело это событіе во всей окрестности. О новопріѣзжемъ и о причинахъ его неожиданнаго появленія пошли немедленно самые нелѣпые и преувеличенные толки; многіе подозрѣвали въ немъ опаснаго конспиратора; это подозрѣніе окружало его таинственнымъ, въ то же время и устрашающимъ, и привлекательнымъ нимбомъ, такъ какъ въ Россіи люди и консервативнаго образа мыслей, если только непосредственно не принадлежатъ къ тайной полиціи, всегда испытываютъ невольное, инстинктивное уваженіе ко всякому политическому преступнику.

Баранцовы были ближайшими сосѣдями Васильцева. Не удивительно поэтому, что у двухъ старшихъ барышень, Лены и Лизы, явилось чувство какого-то естественнаго права собственности на интереснаго сосѣда, посылаемаго имъ самимъ небомъ. Онъ былъ холостъ и хотя, по совѣсти говоря, не могъ уже считаться молодымъ человѣкомъ, такъ какъ ему перева-

лило за 40, и еще того менѣе могъ бы прослыть адонисомъ,—но при теперешней бѣдности на жениховъ и онъ могъ назваться хорошей партіей.

Васильцевъ, вѣроятно, удивился бы не мало, если бы ему сказали, какую роль онъ игралъ въ разговорахъ и планахъ двухъ дѣвицъ. По странной случайности, онъ въ теченіе всего слѣдующаго лѣта не могъ выйти изъ дому, чтобы не встрѣтиться то съ Леной, то съ Лизой, и, что еще страннѣе, чтобы не застать ихъ всегда въ какихъ-нибудь причудливыхъ костюмахъ и въ необычайныхъ, живописныхъ положеніяхъ. То вдругъ наткнется онъ на рѣзвую Лену, которая, какъ бѣлка, взобралась на дерево и лукаво смотритъ на него изъ-за густой листвы; то увидитъ онъ томную Офелію-Лизу, мечтательно склонившуюся къ пруду съ вѣнкомъ незабудокъ въ рукахъ. И надо было послушать, какъ испуганно-граціозно вскрикивали барышни, когда ихъ заставали такъ врасплохъ.

Но всѣ эти встрѣчи ни къ чему не вели. Поклонится Васильцевъ обрубковато и сухо — и былъ таковъ. Разговора никакого не выходило. Неудивительно поэтому, если барышни наконецъ пришли къ заключенію, что такого грубаго, неотесаннаго медвѣдя, какъ ихъ сосѣдъ, и свѣтъ не производилъ.

Но если съ Леной и Лизой знакомство Васильцева не клеилось, за то съ Вѣрой оно завязалось очень просто и, надо сознаться, далеко не поэтическимъ образомъ.

Лѣто приближалось къ концу; начиналась осень дождливая, грязная, съ ранними темными вечерами. Вынужденная, непривычная скука однообразной деревенской жизни все еще часто выгоняла Васильцева за ворота его дома и заставляла его искать развлеченія въ длинныхъ прогулкахъ. Но, какъ всѣ лѣди, никогда не жившіе въ русской деревнѣ, онъ часто встрѣчалъ на своемъ пути затрудненія и попадалъ, какъ ему казалось, въ большія опасности.

Въ профессорскомъ кружкѣ, гдѣ Васильцевъ вра-

щался до тѣхъ поръ, меньше всего пришло бы кому либо въ голову заподозрить его въ трусости; наоборотъ товарищи постоянно дрожали, какъ бы онъ своей неумѣстной строптивостью и ихъ не подвелъ подъ отвѣтъ. Когда профессорской карьерѣ его былъ положенъ столь неожиданный конецъ, даже самые храбрые изъ его пріятелей печально соглашались: „это было неизбѣжно! Развѣ съ такой буйной головой, какъ у Васильцева, можно прожить въ Россіи"!

Самъ Степанъ Михайловичъ сознавалъ себя въ душѣ очень смѣлымъ человѣкомъ. Въ своихъ сокровенныхъ мечтахъ, — въ тѣхъ мечтахъ, въ которыхъ не признаешься даже близкому другу — онъ любилъ воображать себя въ разныхъ необычайныхъ положеніяхъ и не разъ изъ глубины своего кабинета участвовалъ въ защитѣ баррикады.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою всѣми признанную храбрость, къ деревенскимъ собакамъ, про которыхъ шла молва, что онѣ прошлой весной растерзали прохожую побирушку, и къ деревенскому быку, который уже два раза подымалъ на рога пастуха, Васильцевъ питалъ, надо признаться, очень большое почтеніе и всячески избѣгалъ ближайшаго съ ними знакомства.

Однажды случилось ему отойти довольно далеко отъ дома. Большая дорога осталась въ сторонѣ. Шелъ онъ, по привычкѣ, заложивъ руки за спину, понуривъ голову, погруженный въ мысли и не глядя по сторонамъ. Вдругъ очнувшись онъ увидѣлъ себя въ довольно-затруднительномъ положеніи: кругомъ него топкій лугъ, въ которомъ, чуть сойдешь съ узенькой тропинки, нога уходитъ по щиколку въ жидкую кашицу. Передъ нимъ довольно широкій ручей, а сзади слышится топотъ и мычаніе деревенскаго стада.

„Эй пастухъ! Придержи твою скотину", подумалъ было закричать Васильцевъ.

Но пастухъ, мальчишка лѣтъ пятнадцати, слабосильный и слабоумный—затѣмъ его отдали въ пастухи, что

онъ ни къ какому другому дѣлу не годился — только промычалъ что-то безсвязное въ отвѣтъ и загоготалъ глупымъ, идіотскимъ смѣхомъ.

Васильцевъ стоялъ въ нерѣшительности.

„Прыгайте черезъ ручей. Онъ вѣдь не глубокъ"! раздался вдругъ молодой, почти дѣтскій голосъ, въ которомъ звучали нотки смѣха.

Васильцевъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда пришелъ ему добрый совѣтъ, и увидѣлъ на холмикѣ, на противоположномъ берегу ручья, шагахъ въ 20 отъ себя, не то барышню, не то просто дѣвочку, лѣтъ 15, въ соломенной шляпкѣ, обвитой выцвѣтшей ленточкой и въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ, слишкомъ узкомъ въ груди и короткомъ внизу и въ рукавахъ.

Вѣра, тоже загнанная сюда скукой, уже давно, отъ нечего дѣлать, наблюдала этого забавнаго, худаго человѣка, затрудняющагося передъ такими пустяками.

„Прыгайте смѣлѣй"! закричала она еще разъ, но Васильцевъ все не рѣшался.

Тогда Вѣра сбѣжала съ холма, безстрашно зашлепала старенькими ботинками по топкому лугу, притащила откуда-то доску и съ размаха перебросила ее черезъ ручей, густо обдавъ грязью свои бѣлые чулки и сѣрые панталоны сосѣда.

Очутившись въ безопасности, Васильцевъ, разумѣется, тотчасъ же устыдился своей трусости. Торопливо и конфузливо поблагодаривъ свою спасительницу, онъ стоялъ передъ нею, растерянно и принужденно улыбаясь. Уйти немедленно, оставивъ по себѣ такое невыгодное впечатлѣніе, ему не хотѣлось; но онъ рѣшительно не зналъ, какъ завязать разговоръ съ этой маленькой дикаркой, разглядывавшей его съ беззастѣнчивымъ любопытствомъ подростка.

„Что это у васъ за книжка? Можно взглянуть"? нашелся онъ наконецъ.

У Вѣры подъ мышкой были ея драгоцѣнныя житія.

Васильцевъ раскрылъ на удачу и прочелъ слѣдующее:

„Императоръ Діоклетіанъ, осерчавъ на честнаго мученика Исидора, повелѣлъ стражѣ отвести его въ Капитолій“...

„Что за чепуха такая“! невольно вырвалось у Васильцева.

Гнѣвно, негодующе сверкнули синіе Баранцовскіе глаза. Быстро схвативъ свою книгу, Вѣра повернулась спиной и зашагала по направленію къ дому, не оглядываясь.

Въ теченіе вечера Васильцеву не разъ, противъ его воли, приходилъ на умъ утренній комическій эпизодъ и воспоминаніе это всякій разъ вызывало въ немъ и смѣхъ, и легкую досаду.

На слѣдующій день, самъ не отдавая себѣ отчета, онъ опять отправился на мѣсто своего вчерашняго посрамленія. Къ своему удивленію онъ засталъ тамъ и Вѣру. Съ задумчивымъ, сосредоточеннымъ лицомъ она стояла у ручья и какъ будто поджидала Васильцева.

„Здраствуйте“! сказалъ онъ, дружески протягивая ей руку.

„Неужто это все неправда“? проговорила она вмѣсто отвѣта, подымая на него свои большіе глаза, взглядъ которыхъ былъ теперь тревожный, почти умоляющій.

Вчера, услышавъ такой нелѣстный отзывъ о своей любимой книгѣ, она начала съ того, что разсердилась, но скоро гнѣвъ смѣнился другимъ, болѣе тяжелымъ чувствомъ.

„Всѣ говорятъ, что сосѣдъ умный и ученый. Онъ долженъ все это знать. Ну что, какъ и въ самомъ дѣлѣ все это о мученикахъ сказка“?

Сомнѣніе это было такъ мучительно, что разъяснить его надо было во что бы то ни стало.

„Это вы о книгѣ, что-ли“? засмѣялся Васильцевъ.

„Ну сами вы посудите, барышня. Императоръ Діоклетіанъ царствовалъ въ Византіи, а Капитолій находится въ Римѣ. Какъ же онъ могъ велѣть стражѣ отвести туда честнаго мученика Исидора“?

„Ахъ вы объ этомъ! Значитъ только это неправда“?

„Какъ только? Кажется, достаточно“!

„Ну, а то правда, что мученики были“?

„Конечно были“.

„И рѣзали ихъ, и жгли, и звѣрями травили“?

„Все это продѣлывалось“.

„Слава Богу“! вырвалось облегченнымъ вздохомъ у Вѣры.

„Какъ, слава Богу, что терзали-то ихъ“?

Оригинальная дѣвочка рѣшительно начинала забавлять Васильцева.

„Ахъ не то, разумѣется, не то! — конфузясь заторопилась Вѣра, — я хочу сказать, слава Богу, что хоть тогда-то были такіе хорошіе люди, святые, мученики“.

„Мученики есть и теперь“, серьезно проговорилъ Васильцевъ. Вѣра взглянула на него удивленнымъ долгимъ взглядомъ. „Да, въ Китаѣ“! сообразила она наконецъ.

Васильцевъ опять засмѣялся.

„Зачѣмъ искать такъ далеко! Есть и ближе“!

Вѣра все смотрѣла на него и на лицѣ ея отражалось все большее и большее недоумѣніе.

„Развѣ вы никогда не слыхали, что и у насъ въ Россіи сажаютъ людей въ тюрьму, ссылаютъ въ Сибирь, подчасъ даже вѣшаютъ. Какъ же вы спрашиваете, есть-ли мученики“?

„Да вѣдь у насъ же ссылаютъ только злодѣевъ, преступниковъ“!...

Эти слова вырвались у Вѣры сами собой; не успѣла она ихъ выговорить, какъ яркая краска залила ей лицо. „Вѣдь сосѣдъ-то ссыланный“!

„Случается, что ссылаютъ и за другое“, проговорилъ Васильцевъ въ полъ-голоса.

Нѣкоторое время они продолжали идти рядомъ, молча, Вѣра—потупивъ голову и нервно теребя пальцами кончики шейнаго платка. Странныя, какъ будто даже совсѣмъ несообразныя, мысли начинали цѣлымъ роемъ возникать въ ея головѣ. Она ужасно боялась сказать что-нибудь глупое, неравно, обидитъ сосѣда, но во-

просъ былъ такой для нея важный, такой животрепещущій, что останавливаться соображеніями приличія нельзя было.

„За что васъ сослали"? проговорила она вдругъ очень быстро, не глядя на Васильцева.

Тотъ ухмыльнулся.

„Вамъ очень хочется знать"? спросилъ онъ, какъ бы поддразнивая.

Вѣра только головой кивнула въ отвѣтъ, но лицо ея говорило за нее.

„И о мученикахъ современныхъ тоже хотите знать"?

Глаза Вѣры загорѣлись еще ярче.

„Хотите, я вамъ разскажу? Только напередъ предупреждаю: придется говорить и о многомъ другомъ".

Вѣрино лицо сіяетъ.

„И о Діоклетіанѣ, и о Капитоліи придется, пожалуй, говорить. Будете слушать"?

„Буду, буду"!

V

На слѣдующій же день Васильцевъ явился съ визитомъ къ графу Баранцову. Знакомство завязалось скоро, и когда черезъ нѣсколько времени Васильцевъ пожелалъ давать Вѣрѣ безплатные уроки, то предложеніе это было принято съ благодарностью, тѣмъ болѣе, что графъ, несмотря на свою безпечность, по временамъ испытывалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти при мысли, что младшая дочь рода Баранцовыхъ ростетъ столь же необремененная познаніями, какъ любая деревенская дѣвченка.

Сестры Вѣры съ этого времени не сомнѣвались болѣе въ томъ, что ей удалось плѣнить собою сосѣда. Онѣ шутливо поздравили ее съ ея побѣдой. Подтруниванья надъ ея „поклонникомъ" скоро вошли у нихъ въ привычку.

Въ началѣ эти разговоры и подразниванья сердили и конфузили Вѣру. Мало-по-малу, однако, она стала находить въ нихъ своего рода прелесть. Какъ хотите, всегда лестно, когда говорятъ, что кто-нибудь въ васъ влюбленъ. Вѣра даже и въ собственныхъ глазахъ выросла и поважнѣла съ тѣхъ поръ, какъ у ней завелся обажатель.

„Ну что? Какъ онъ былъ съ тобой сегодня? Не объяснился еще? Да не скрытничай пожалуйста! Разсказывай все"! приставали къ ней сестры послѣ каждаго ея урока съ Васильцевымъ.

И Вѣра, почти что противъ воли, начинала разска-

зывать и, тоже противъ воли, немножко прибавляла. Богъ знаетъ, впрочемъ, какъ это выходило! Сестры такъ хорошо умѣли объяснить и растолковать каждое слово, сказанное Васильцевымъ, что оно и дѣйствительно начинало казаться совсѣмъ не такимъ, какъ въ ту минуту, когда было произнесено.

Вѣра и сама не замѣтила, какъ сосѣдъ мало-по-малу завладѣлъ ея мыслями и какъ образъ его видоизмѣнился. „Долговязый, невзрачный, немолодой господинъ, съ несочнымъ лицомъ и такими близорукими глазами, что они, кажется, и въ очкахъ ничего не видятъ“! Вотъ какъ описала бы она сосѣда тотчасъ послѣ ихъ знакомства у канавы. Теперь же, когда онъ сдѣлался ея признаннымъ обожателемъ, ей такъ хотѣлось возвести его въ герои, что она ежедневно стала открывать въ немъ новыя достоинства. Сегодня она нашла, что у него удыбка пріятная; завтра замѣтила, что, когда онъ смѣется, у него образуются вокругъ глазъ такія потѣшныя, милыя морщинки, и эти морщинки вдругъ ей ужасно полюбились.

Она жила теперь въ состояніи какого-то хроническаго, безотчетнаго ожиданія. Къ каждому уроку готовилась съ сердцебіеніемъ и во время самого урока сидѣла нервная, взволнованная, въ постоянномъ трепетѣ: „не сегодня-ли“?

Вѣра и Васильцевъ одни въ комнатѣ. Урокъ конченъ, но учитель уходить еще не собирается. Онъ отложилъ книгу въ сторону, опустился въ кресло, подперъ голову рукой и задумался. Это случается съ нимъ нерѣдко. Вѣра сидитъ рядомъ неподвижно. Ей почему-то стало вдругъ неловко, страшно пошевелиться. Она уставилась глазами въ небольшую смуглую, худую руку Васильцева и машинально разглядываетъ одну толстую синюю жилку, которая, начавшись у кисти, раздвигаетъ въ сторону нѣсколько темныхъ волосковъ и, поспѣшно съуживаясь, извивается до средняго пальца.

Начало уже смеркаться; всѣ предметы мало-по-малу

тускнѣютъ и очертанія стушевываются. По мѣрѣ того какъ рука Васильцева задергивается словно дымкой, Вѣра безсознательно напрягаетъ зрѣніе. На нее находитъ какое-то странное оцѣпененіе; съ каждой минутой все труднѣе и труднѣе ей пошевельнуться; сердце колотится сильными, полными ударами; въ ушахъ поднялся звонъ, словно гдѣ-то далеко вода льется.

Васильцевъ вдругъ очнулся изъ забытья.

„Вѣрочка милая"... началъ онъ мягко, какъ бы продолжая прежнюю мысль, и ласково положилъ свою руку на ея.

„Вотъ оно"! какъ молнія мелькнуло въ головѣ Вѣры. „Сейчасъ будетъ объясненіе". Но ея нервы слишкомъ напряжены. Въ груди вдругъ что-то сжалось и подступило къ горлу; еще одно слово и она задохнется.

„Пожалуйста! Пожалуйста! Не говорите! Я и такъ знаю"! вырвалось у ней сдавленнымъ крикомъ. Она рванулась и отскочила въ противоположный уголъ комнаты.

Ошеломленный Васильцевъ нѣсколкко мгновеній глядѣлъ на нее молча, растерянно.

„Вѣрочка, что съ тобой"? спросилъ онъ наконецъ тихо, боязливо.

Звукъ его голоса сразу привелъ Вѣру въ себя и ей вдругъ стало ясно, что она сдѣлала большую, страшную глупость.

Какъ ей теперь быть? Какъ ему объяснить?

„Я думала.... мнѣ показалось...." бормотала она несвязно, задыхаясь.

Васильцевъ не сводилъ съ нея глазъ, и выраженіе испуганнаго недоумѣнія мало-по-малу смѣнялось на его лицѣ выраженіемъ непріятнаго, досадливаго подозрѣнія.

„Вѣра, я хочу, я требую, чтобы вы мнѣ сказали, что такое вамъ показалось"! Онъ стоитъ передъ ней и крѣпко держитъ ея руки. Его голосъ звучитъ сурово, металлически. Голубые близорукіе глаза, какъ два

вита, впиваются въ ея лицо. Подъ вліяніемъ этого пристальнаго, допытывающаго взгляда Вѣра чувствуетъ, что теряетъ всякую волю, всякое самообладаніе. Она знаетъ, что признаніе будетъ ужасно, но если бы дѣло шло о жизни и смерти, она все-таки не могла бы ему не отвѣтить, не могла бы не сказать правды.

„Я думала. . . . , что вы влюблены въ меня"! послышался наконецъ чуть внятный, прерывающійся шепотъ.

Васильцевъ, какъ ужаленный, выпустилъ ея руки.

„Ахъ Вѣра, и вы не лучше другихъ, такая же кисейная барышня"! проговорилъ онъ укоризненно и вышелъ изъ комнаты.

Вѣра осталась одна, несчастная, уничтоженная.

„Господи! Стыдъ какой! Какъ жить послѣ такого позора"! Эта мысль первая приходитъ ей въ голову на слѣдующее утро послѣ нѣсколькихъ часовъ тревожнаго, лихорадочнаго забытья.

Еще рано. Съ кроватей сестеръ доносится ихъ ровное, мѣрное, сонное дыханіе. Онѣ вчера ничего не замѣтили, ни о чемъ не догадываются; но что онѣ скажутъ, когда узнаютъ! Быть въ теченіе цѣлаго мѣсяца героиней интереснаго, увлекательнаго романа и вдругъ оказаться просто глупой, заносчивой дѣвченкой! „О какой стыдъ, какой стыдъ"!

Вѣра прячетъ голову подъ одѣяло и плачетъ горько, конвульсивно, кусая зубами подушку, чтобы заглушить рыданія.

Лена повернулась на своей кровати. Сестры начинаютъ просыпаться.

„Только бы онѣ ничего не замѣтили"! Эта мысль внезапно осушаетъ Вѣрины слезы. Она встаетъ какъ ни въ чемъ не бывало, одѣвается и въ теченіе всего дня ходитъ, разговариваетъ, даже смѣется, какъ будто ничего не случилось. Иногда ей дѣйствительно удается забыть на минуту о вчерашнемъ, но на сердцѣ все та же тупая, неотвязная, новая совсѣмъ боль.

Опять наступилъ день, назначенный для урока.

„Что-то теперь будетъ"! думаетъ Вѣра и вся холодѣетъ при мысли о свиданіи съ Васильцевымъ.

Къ тремъ часамъ прибѣгаетъ мальчикъ изъ сосѣдской усадьбы съ письмомъ отъ барина: онъ нездоровъ—проситъ извинить его, на урокъ придти не можетъ.

„Слава Богу"! думаетъ Вѣра съ облегченіемъ.

Опять начинается для нея прежняя скучная, незанятая жизнь, какъ было до Васильцева. Опять слоняется она по цѣлымъ днямъ изъ угла въ уголъ, не зная, что съ собой дѣлать, за что приняться. Какъ ни скрытничала она, сестры все же что-то такое заподозрили и пристаютъ съ обидными, навязчивыми расспросами. Вѣра всячески избѣгаетъ теперь ихъ общества.

Такимъ образомъ прошла одна недѣля, началась другая. Васильцевъ все не являлся. „Никогда онъ не придетъ больше"! думала Вѣра съ какою-то злобною тоскою. Но однажды сидѣла она одна въ пустой классной, разсѣянно и безъинтересно перелистывая уже разъ десять прочитанную книгу, какъ вдругъ въ коридорѣ послышались знакомые шаги.

Кровь вся прилила ей къ сердцу; на минуту ей показалось, что оно перестало биться. Первымъ ея импульсомъ было вскочить и убѣжать, но прежде, чѣмъ она успѣла выполнить свое намѣреніе, Васильцевъ былъ уже въ комнатѣ.

Видъ у него былъ спокойно-добродушный, совсѣмъ какъ всегда, какъ будто ничего особеннаго не произошло, и этихъ мучительныхъ десяти дней и не было совсѣмъ. А Вѣра? Она такъ ненавидѣла его въ эту недѣлю, но теперь, наплывъ безумной, духъ захватывающей радости вдругъ охватилъ все ея существо. Конечно ей было стыдно, до боли стыдно, но радость все же была преобладающимъ чувствомъ.

„Вѣра, дружокъ мой, такъ продолжаться не можетъ"! Онъ говоритъ ровнымъ, ласковымъ голосомъ, словно обращается къ ребенку. „Между нами вышло маленькое недоразумѣніе,—очень непріятное, досадное

недоразумѣніе — но теперь мы потолкуемъ хорошенько разъ навсегда и потомъ совсѣмъ забудемъ о немъ и будемъ друзьями попрежнему".

„Вѣдь мнѣ ужъ 43 года, Вѣрочка; вѣдь я старикъ, чуть не въ три раза старше васъ; вы мнѣ въ дочки годитесь, а не въ жены. Влюбиться въ васъ было бы съ моей стороны не только глупостью, но и подлостью. Да я, слава Богу, и не думалъ никогда въ васъ влюбляться. За то полюбилъ я васъ сильно и искренне, и крѣпко хочется мнѣ, чтобы изъ васъ хорошій человѣкъ вышелъ.

„Вѣдь только кисейныя барышни воображаютъ себѣ, Вѣрочка, что не можетъ мужчина побыть получасу въ ихъ обществѣ, чтобы тотчасъ не начать имъ куры строить, а вѣдь вы же не кисейная барышня? Не правда-ли"?

Вѣра стоитъ молча, потупивъ голову; крупныя слезы дрожатъ на ея длинныхъ рѣсницахъ, но она и не думаетъ ненавидѣть Васильцева въ эту минуту.

Послушайте, другъ мой, дайте мнѣ вашу руку, продолжаетъ Михаилъ Степановичъ. Чтобы доказать вамъ, какъ я дорожу вашей дружбой, я скажу вамъ то, чего уже много, много лѣтъ никому не говорилъ. Разъ въ жизни я дѣйствительно любилъ одну дѣвушку. Лучше, милѣй ея я никогда не встрѣчалъ женщины. Но судьба ея была ужасна. Это было сейчасъ послѣ Каракозовскаго покушенія. Тогда вѣдь всѣхъ хватали и забирали; достаточно было одного неосторожнаго слова, чтобы попасть въ тюрьму. И ее посадили. Тюрьмы были переполнены и ей пришлось просидѣть шесть мѣсяцевъ въ сыромъ, темномъ подвалѣ, который водой заливало. А она была нѣжная, слабая такая! Когда пришла наконецъ очередь разобрать ея дѣло, оказалось, что никакихъ уликъ противъ нея нѣтъ. Пришлось ее выпустить. Но въ этомъ ужасномъ подвалѣ она схватила страшную болѣзнь, хуже какой нѣтъ, кажется на свѣтѣ: у ней сдѣлался костоѣдъ лица — тюремный костоѣдъ, онъ такъ и называется. Въ теченіе

цѣлыхъ трехъ лѣтъ послѣ этого, Вѣрочка, она умирала медленной смертью. Я, разумѣется, не отходилъ отъ нея ни шагу за все это время; каждый день долженъ былъ я видѣть, какъ ужасная, неумолимая болѣзнь обезображиваетъ, съѣдаетъ ее живую, Страданія ея были такъ велики, что даже я, который любилъ ее больше всего на свѣтѣ, долженъ былъ звать смерть, какъ избавленіе. Теперь вы понимаете, Вѣрочка, что, когда человѣкъ перенесъ такое въ жизни, то онъ не можетъ смотрѣть на любовь, какъ на шутку. Да, по истинѣ сказать, въ странѣ, гдѣ подобныя вещи возможны, и права почти не имѣешь думать о личной любви, о личномъ счастьи"...

Голосъ Васильцева пресѣкся отъ волненія. Вѣра горько, молча рыдала.

Немного погодя Васильцевъ показалъ ей портретъ своей бывшей невѣсты до ея страшной болѣзни: красивое, интеллигентное смуглое лицо съ темными, мечтательными глазами. Вѣрѣ показалось, что никогда въ жизни не видала она лица лучше этого; съ благоговѣніемъ прикоснулась она къ портрету губами, какъ къ лику мученицы, и со слезами на глазахъ повторила свой прежній дѣтскій обѣтъ добиваться мученическаго вѣнца. Только не въ Китай она за нимъ отправится; теперь она знаетъ, что вѣнецъ этотъ составляетъ удѣлъ многихъ въ Россіи.

Съ этого дня недоразумѣній между Вѣрой и Васильцевымъ больше не было, и дружба ихъ была скрѣплена прочно, навсегда.

VI

На дворѣ конецъ апрѣля. Весна въ нынѣшнемъ году пришла какъ-то разомъ, внезапно. Послѣ того какъ вскрылись рѣки и сошелъ снѣгъ, долго еще стояли холода; все развивалось медленно, вяло, словно нехотя, шагъ впередъ — два назадъ. Каждую травку, каждую былинку какъ будто упрашивать и уговаривать надо было, чтобы она рѣшилась стряхнуть съ себя зимнюю спячку и высунуть изъ-подъ земли кончикъ нѣжнаго, зябкаго листочка. Настоящаго весенняго азарта ни въ комъ не замѣчалось.

Вдругъ разъ ночью собрался тихій, теплый дождикъ, и съ этой минуты какое-то волшебство пошло. Словно бродила какія-то стали сыпаться на землю вмѣстѣ съ мелкими, душистыми каплями весенняго дождя. Все зашевелилось, все вдругъ возгорѣлось желаніемъ жить. Каждый заторопился, полѣзъ впередъ, толкая и давя другихъ, какъ будто боясь опоздать къ сроку. Всякій рѣшился постоять за себя и за свое право на существованіе.

Проснулись на слѣдующее утро жители Борковъ да такъ и ахнули. Что это за одну ночь подѣлалось! Не узнать ни сада, ни полей, ни лѣса. Вчера вечеромъ все это было черно, голо; теперь все подернулось

легкимъ зеленымъ налетомъ. И воздухъ не тотъ, что вчера. И пахнетъ не такъ, и дышется иначе.

Въ настоящую минуту — самый разгаръ спѣшной, неугомонной весенней горячки. Березки уже одѣлись нѣжной, прозрачной, какъ кружево, листвой. Огромныя, набухшія почки тополя роняютъ на землю клейкія, смолистыя чешуйки, наполняя воздухъ пряннымъ, опьяняющимъ ароматомъ. Желтая душистая пыльца съ ольховыхъ и орѣшниковыхъ сережекъ носится повсюду вмѣстѣ съ бѣленькими лепестками черемухи и вишни. Ели пустили вверхъ огромные свѣтлые ростки, которые торчатъ прямо, какъ свѣчи, и странно выдѣляются среди старыхъ, прошлогоднихъ хвой. Только дубъ одинъ стоитъ еще голый, угрюмый, словно и не помышляя о веснѣ.

Съ юга каждый день прилетаютъ новые гости. Уже съ недѣлю тому назадъ обрисовался на небѣ первый черный треугольникъ журавлей. Дятелъ застучалъ въ дуплѣ стараго бука. Ласточки снуютъ подъ крышей балкона, разыскивая свои старыя гнѣзда, и ведутъ ожесточенную борьбу съ воробьями, успѣвшими въ теченіе зимы завладѣть ихъ старинной собственностью.

Изъ почвы поднимаются теплыя испаренія, Кажется, такъ и чувствуешь, какъ тамъ внизу, въ нѣдрахъ земли идетъ какая-то странная, таинственная работа. Шагу сдѣлать нельзя, чтобы не ступить на зародышъ какой-нибудь новой, молодой жизни — плѣсени, травки или насѣкомаго. Въ прудѣ идутъ оживленныя любовныя объясненія. Каждая канавка такъ и кишитъ миліардами самыхъ разнообразныхъ, самыхъ причудливыхъ формъ существованія; и все это копошится, все это хлопочетъ, все это проникнуто сознаніемъ важности своего собственнаго я.

Въ бывшей классной Баранцовскаго дома сидитъ, склонившись надъ письменнымъ столомъ, молодая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, стройная и высокая, съ

тонкимъ, словно выточеннымъ, профилемъ и съ задумчивыми синими глазами, окаймленными черными рѣсницами. Передъ ней на столѣ лежитъ открытая книга, томикъ Добролюбова, но видно, что ей трудно сосредоточить мысли на томъ, что она читаетъ. Она поминутно подымаетъ голову, откидывается на спинку стула; руки ея начинаютъ машинально играть костянымъ ножикомъ, а въ глазахъ является выжидательное, напряженное выраженіе, какъ будто она прислушивается, не идетъ-ли кто.

Въ этой молодой красавицѣ трудно было узнать прежняго, смуглаго, худенькаго подростка Вѣру. Послѣ памятнаго ей объясненія съ Васильцевымъ прошло три года. Повидимому эти годы прошли тихо, безъ всякихъ событій и потрясеній, но для Вѣры они были богаты внутреннимъ содержаніемъ. Дружба ея съ Васильцевымъ все росла и крѣпла; за то отъ всѣхъ своихъ домашнихъ она какъ-то совсѣмъ отбилась. Сестрамъ надоѣло дразнить ее сосѣдомъ, и онѣ махнули на нее рукой. Такъ какъ близость ея съ Васильцевымъ началась, когда она была дѣвочкой, то родители, по привычной безпечности, не считали нужнымъ ей препятствовать и теперь, когда Вѣра стала взрослой барышней.

За послѣднее время однако акціи Васильцева въ глазахъ сосѣдей помѣщиковъ сильно упали. За нимъ числилось нѣсколько очень важныхъ провинностей. Во первыхъ онъ отдалъ своимъ крестьянамъ безъ выкупа всю землю, которою они прежде владѣли оброчно, и тѣмъ не только нанесъ чувствительный ущербъ собственному карману, но и показалъ зловредный примѣръ всему уѣзду; во-вторыхъ его заподазривали въ томъ, что онъ и въ чужія дѣла мѣшается, даетъ чужимъ крестьянамъ непрошенные совѣты и разстроилъ не одну хитроумную комбинацію, придуманную то тѣмъ, то другимъ помѣщикомъ при раздѣлѣ съ бывшими крестьянами.

Вообще, хотя явно ни въ чемъ противозаконномъ.

Васильцева нельзя было уличить, тѣмъ не менѣе всѣ соглашались, что онъ ведетъ себя совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало бы въ его положеніи, и повидимому совершенно забываетъ, что ссылка въ собственное имѣніе за политическія дѣла обязываетъ человѣка къ особой осторожности. Кое-кто изъ пріятелей пробовалъ уже намекнуть ему, что и губернаторъ начинаетъ на него зубы точить, но онъ и на это не обратилъ никакого вниманія.

Тогда какъ помѣщики дулись на Васильцева, крестьяне души въ немъ не чаяли и не могли нарадоваться его пріѣзду. Въ первое время они, правда, дичились его и даже къ отдачѣ имъ земли безъ выкупа отнеслись недовѣрчиво.

Потомъ они рѣшили, что онъ, должно быть, простоватъ. Мало-по-малу они убѣдились однако, что и глупостью его поступковъ объяснить нельзя. Увидѣли они, что всякій разъ, когда обратишься къ нему за дѣломъ, получишь отъ него либо помощь, либо толковый, разумный совѣтъ. Съ этихъ поръ ему отъ мужиковъ отбоя не стало. Надо-ли разъяснить какой-нибудь запутанный семейный вопросъ или написать прошеніе въ судъ,—такъ они къ нему гурьбой и тащатся.

Въ свободное время Вѣра съ Васильцевымъ занимается чтеніемъ и разговорами; разговоры у нихъ безконечные, все больше о предметахъ абстрактныхъ, ихъ лично не касающихся. Какъ и три года назадъ, такъ и теперь часто говорятъ они о современныхъ „мученикахъ“; Вѣра, какъ и прежде, нѣтъ, въ сто разъ сильнѣе прежняго, преисполнена рѣшимости пойти по ихъ стопамъ.

Но мученическій вѣнецъ — это впереди, когда-нибудь, въ отдаленномъ будущемъ; теперь же, пока, жизнь ея чудно хороша и съ каждымъ днемъ становится все полнѣе и лучше.

Только вотъ послѣдніе дни были скучноваты, тоскливы. Васильцеву пришлось куда-то уѣхать по дѣламъ

крестьянъ; двѣ недѣли его не было дома. Страшно какъ тянется время, когда нѣтъ надежды вечеромъ поговорить съ другомъ! Какъ-то ни къ чему и охоты нѣтъ, никакое дѣло въ рукахъ не спорится!

Но, слава Богу, конецъ этимъ днямъ! Сегодня пополудни прибѣжалъ мальчикъ изъ сосѣдней усадьбы сказать, что баринъ вернулся и вечеромъ будетъ съ ними чай кушать.

„Черезъ какихъ-нибудь полчаса онъ здѣсь будетъ“! Наплывъ такой сильной, неудержимой радости охватилъ Вѣру, что она не могла усидѣть на мѣстѣ, бросила въ сторону книгу и подошла къ окну. Косые лучи заходящаго солнца обдали ее огненнымъ румянцемъ и заставили быстро-быстро зажмурить глаза.

„Какъ хорошо на дворѣ! Никогда еще, кажется, не было такой восхитительной, такой дивной весны! И какъ все растетъ! Просто чудеса да и только! Сегодня поутру совсѣмъ была голая горка, а теперь цѣлыя пригоршни можно бы нарвать буковицъ и подснѣжниковъ. Точно изъ земли они готовые выползли! Въ сказкѣ говорится про одного молодца, у котораго было такое тонкое зрѣніе, что онъ видѣлъ, какъ трава растетъ. Да весной это не мудрено! Если бы только глядѣть попристальнѣй, кажется, и я бы могла.... Что это? Кукушка въ лѣсу закуковала. Первая въ нынѣшнемъ году.... Господи, какая прелесть! Такъ хорошо, что даже сердце щемитъ и плакать хочется“!

Когда вошелъ наконецъ Васильцевъ, Вѣра бросилась на встрѣчу ему такъ горячо, что онъ потерялъ обыкновенное самообладаніе.

Онъ беретъ ее за обѣ руки и смотритъ на нее нѣжно и съ восхищеніемъ.

„Что съ вами сдѣлалось Вѣра? Я съ перваго взгляда просто и не узналъ васъ! Двѣ недѣли тому назадъ я оставилъ васъ дѣвочкой, а нахожу“.... Онъ не договариваетъ, но взоръ его говоритъ недосказанное.

Вѣрины щеки покрываются яркимъ румянцемъ и она невольно опускаетъ глаза. Ей такъ хорошо, такъ

отрадно съ нимъ. Эти двѣ недѣли дѣйствительно произвели въ ней какую-то перемѣну. Никогда прежде не холодѣли у ней руки и не пылали такъ щеки въ его присутствіи. Машинально, чтобы скрыть свое волненіе, она начинаетъ перебирать книги на столѣ.

„Нѣтъ, Вѣра, сегодня заниматься не будемъ. Давайте лучше такъ посидимъ". Онъ опускается на стулъ возлѣ открытаго окна и закуриваетъ папиросу. Вѣра садится рядомъ; сердце у ней бьется шибко, шибко, словно трепещущая птичка.

На дворѣ уже стемнѣло. Высоко надъ головой небо темносинее, но, спускаясь къ западу, оно постепенно блѣднѣетъ и на горизонтѣ окаймляется свѣтло-янтарной полосой. Лягушки на пруду затянули дружный хоръ. Въ углахъ комнаты и на потолкѣ тоненькій пискъ первыхъ комаровъ сливается въ протяжный, замирающій гулъ. Майскій жукъ грузно пролетѣлъ мимо окна, наполнивъ воздухъ шумливымъ, басистымъ жужжаньемъ.

Въ кустахъ, отдѣляющихъ кухню отъ сада, мелькнуло что-то свѣтлое. Женская фигура, съ платочкомъ на головѣ, остановилась на минуту въ нерѣшительности, зорко осматриваясь, не слѣдитъ-ли за ней кто; потомъ быстро, быстро засеменила по направленію къ рощѣ. Черезъ минуту оттуда доносится ласковый мужской шопотъ и тихій, счастливый смѣхъ. Издали со стороны фермы несутся жалобные звуки тростниковой дудочки деревенскаго виртуоза пастуха.

„Разскажите мнѣ про это дѣло съ мужиками. Я такъ много страшнаго и гадкаго слышала сегодня за столомъ", начинаетъ вдругъ Вѣра, но она, очевидно, принуждаетъ себя говорить; голосъ звучитъ неестественно.

Васильцевъ вздрагиваетъ, словно пробужденный.

„Да, понимаю, что меня осуждаютъ", говоритъ онъ, проводя рукой по лбу.

„Но я не отчаиваюсь, что мнѣ удастся склонить общественное мнѣніе въ пользу этихъ несчастныхъ

крестьянъ. Я вамъ все это подробно разскажу, Вѣра, но послѣ. Теперь не могу"!...

Опять нѣсколько минутъ молчанія; только комары пищатъ и пастухъ заливается на своей дудочкѣ.

..Вѣра помните-ли одинъ нашъ разговоръ, три года назадъ. Я тогда былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что никогда этого не случится... А между тѣмъ... Вѣра, скажите, я вамъ совсѣмъ старикомъ кажусь"?

Эти послѣднія слова вылетаютъ чуть внятнымъ, дрожащимъ шепотомъ. Вѣра хочетъ что-то отвѣтить, но голосъ ея обрывается.

Богъ знаетъ, какимъ образомъ рука Васильцева оказывается на ея рукѣ. Отъ этого прикосновенія у обоихъ захватываетъ дыханіе, слова не приходятъ имъ на языкъ, обоимъ страшно пошевелиться.

„Степанъ Михайловичъ! Вѣра! Здѣсь-ли вы"? раздается звонкій голосъ Лизы въ коррилорѣ.

Васильцевъ быстро отскакиваетъ.

„До завтра, Вѣра"! говоритъ онъ и, перешагнувъ черезъ низкое окно въ садъ, скрывается въ темнотѣ.

Весенняя ночь волнующая, душистая, полная таинственныхъ чаръ и страстнаго замиранія, плыветъ по небу. Огни на селѣ погашены. Всѣ звуки мало-по-малу стихаютъ. Дудочка пастуха давно умолкла. Лягушки присмирѣли, комары—и тѣ угомонились. Время отъ времени пронесется только какой-то странный шелестъ въ кустахъ, на прудѣ всплеснетъ что-то, или порывъ вѣтра донесетъ изъ дальняго села жалобный вой цѣпнаго пса, томящагося одиночествомъ въ эту чудную страстную ночь.

Вѣрѣ не спится. Ей душно сегодня въ большой прохладной спальнѣ, которую она занимаетъ теперь одна, отдѣльно отъ сестеръ. Она встаетъ съ постели, открываетъ окно и прикладывается горячей щекой къ холодному стеклу. Но это ея не освѣжаетъ; лицо пы-

лаетъ попрежнему и такъ же томительно сладко замираетъ сердце, та же неясная полная блаженства тревога охватываетъ все ея существо.

Какъ тихо все кругомъ! Роща кажется теперь огромной, глубокой; деревья стоятъ такія большія, черныя, точно сдвинулись вмѣстѣ, точно сговариваются о чемъ-то, точно скрываютъ какую-то странную важную тайну. Среди ночной тишины раздается вдругъ тихій, переливчатый звонъ; это почтовая тройка проѣзжаетъ по большой дорогѣ. Воздухъ такъ чистъ, такъ прозраченъ, что бряцаніе бубенчиковъ слышно уже издалека верстъ за пять; на минуту оно замолкаетъ; должно быть тройка заѣхала за горку; но скоро оно опять раздается явственно, все ближе и ближе; видно, тройка несется быстро, во всю прыть; теперь слышно и хлопаніе кнутомъ, и голось ямщика, и лошадиный топотъ. Но вотъ опять звуки удаляются. Странно! Они точно оборвались сразу; должно быть тройка остановилась гдѣ-нибудь по близости.

Удивительно право! Какъ волнуетъ звукъ почтовыхъ бубенчиковъ ночью! Вѣдь знаешь, что интереснаго некого ждать. Вѣрнѣе всего — это пріѣхалъ мировой посредникъ или становой нагрянулъ въ село для слѣдствія о какой-нибудь потравѣ. А все же, какъ услышишь этотъ тоненькій, серебристый звонъ на большой дорогѣ, сердце такъ и забьется. И вдругъ потянетъ куда-то въ даль, въ какія-то невѣдомыя страны.

„Господи, какъ жизнь хороша“! Вѣра невольнымъ, машинальнымъ жестомъ складываетъ руки, какъ бы для молитвы. Васильцевъ называетъ себя матеріалистомъ, и Вѣра тоже знакома со всѣми новыми теоріями и думаетъ серьезно, что совсѣмъ больше не вѣруетъ въ Бога. Но тѣмъ не менѣе въ эту минуту душа ея преисполняется страстной, безпредѣльной благодарности къ кому-то, кто даровалъ ей счастье, и по старой, дѣтской, неизгладимой привычкѣ она обращается съ горячей мольбой къ Богу, существованія котораго не признаетъ.

„Господи! Я знаю, что на свѣтѣ есть много горя, много несправедливости, много нужды! Я хочу послужить людямъ, я готова жизнь за нихъ отдать! Только послѣ, послѣ, Господи! Теперь такъ хочется, такъ мучительно хочется счастья“!

На минуту Вѣрѣ удается забыться тревожнымъ сномъ.

„До завтра“! проносится вдругъ яркимъ лучемъ въ ея сознаніи, и опять начинается для нея томительно сладкая тревога, горячая, блаженная лихорадка.

Заря уже занялась на небѣ. Вторые пѣтухи пропѣли; воробьи зачирикали подъ окномъ шумливо и озабоченно — а она все не спитъ, все метается на пастели съ пылающимъ лицомъ и съ похолодѣвшими руками. Лишь послѣ восхода солнца уснула она наконецъ крѣпкимъ свинцовымъ сномъ.

За то и спала она долго. Было поздно, уже недалеко отъ полудня, когда снова охватило ее неясное сознаніе чего-то удивительно счастливаго, что произошло вчера. Какъ хорошо просыпаться на слѣдующій день послѣ большой, неожиданной радости!

Вѣра лежитъ и нѣжится въ своей постелькѣ.

„Что-жъ это я однако? А ребятишки-то мои“! пронеслось въ ея головѣ. Она вскочила и собиралась уже одѣваться, но посмотрѣла на часы, увидѣла, что такъ поздно, и подумала, что урокъ все равно прогуляла и торопиться не стоитъ. Рѣшивъ это, она опять улеглась въ постель и закрыла глаза, тихо улыбаясь своему будущему близкому счастью.

Въ комнату, осторожно ступая и приглядываясь, не спитъ-ли барышня, вошла горничная.

„Анисья, матушка, что-жъ ты меня раньше не разбудила“? весело привѣтствовала ее Вѣра.

„Я уже разъ пять входила, барышня; да вы такъ сладко спали; жаль было васъ тревожить“.

„Что это у ней сегодня лицо такое странное“? подумала Вѣра.

„А у насъ, барышня, бѣда случилась“! проговорила вдругъ Анисья тѣмъ особеннымъ, взволнованнымъ и

все же какъ будто довольнымъ голосомъ, которымъ прислуга всегда сообщаетъ важныя новости, какого бы свойства онѣ ни были.

„Что такое“? вскрикиваетъ Вѣра, привскакивая на кровати. Она еще не знаетъ въ чемъ дѣло, но сердце ея уже чуетъ бѣду.

„Къ сосѣду сегодня ночью полицiя нагрянула“, сообщаетъ Анисья.

VII

Какъ громъ разнеслось по дому ужасное извѣстіе: сегодня ночью передъ крыльцомъ Васильцевской усадьбы снова остановилась почтовая телѣга съ жандармскимъ полковникомъ и двумя ангелами хранителями болѣе низкаго чина. Полковникъ показалъ Васильцеву бумагу, снабженную казеннымъ штемпелемъ и казенной печатью. Въ бумагѣ этой стояло, что дворянинъ Степанъ Михайловичъ Васильцевъ—лицо весьма опасное для спокойствія края. Поэтому губернаторъ на основаніи власти, свыше ему данной, предлагаетъ ему перемѣнить свое теперешнее мѣсто жительства на прекрасный, хотя и нѣсколько болѣе отдаленный, городъ Вятку.

Три дня и три ночи предоставляется ему на устройство своихъ дѣлъ. Но по истеченіи этого срока предписано препроводить его къ мѣсту назначенія.

Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на всю Баранцовскую семью. Всѣхъ больше струсилъ самъ графъ. Онъ обладалъ тѣмъ, нельзя сказать рѣдкимъ въ Россіи, свойствомъ, что при закрытыхъ дверяхъ любилъ пофрондировать, полиберальничать и почесать языкъ на счетъ правительства; но стоило синему воротнику мелькнуть на горизонтѣ, и онъ немедленно съеживался и превращался въ самого смиреннаго, самого вѣрноподданнаго царскаго служителя.

Въ данномъ случаѣ свойственная ему трусливость усугублялась еще заслуженными упреками совѣсти: какъ могъ онъ допустить такое сближеніе между своей дочерью и вольнодумцемъ? Гдѣ у него были глаза? Васильцевъ, вчера еще почтенный, зажиточный помѣщикъ, прекрасная партія, сегодня вдругъ разомъ превратился въ бездомнаго бродягу, въ человѣка, съ которымъ и знаться-то не безопасно. О свадьбѣ между нимъ и Вѣрой не могло теперь, разумѣется, быть и рѣчи, и дѣвушка оставалась навсегда компрометированной, опозоренной.

Какъ всегда бывало во всѣхъ затрудненіяхъ жизни, графъ и теперь поторопился заглушить чувство собственной отвѣтственности упреками другимъ.

„Вотъ, матушка, только и умѣешь со своими нервами возиться, а за дочкой не могла присмотрѣть"! упрекнулъ онъ жену.

Графиня и сама ясно сознавала, какой позоръ падетъ на ихъ семью отъ этого происшествія, и напередъ уже предвкушала сладость тѣхъ невинныхъ вопросовъ и соболѣзнованій, которыми ее осыпятъ губернскія дамы на первомъ же собраніи въ городѣ.

Всѣмъ домомъ, даже прислугой, овладѣла та особенная, безотчетная паника, какую видъ синяго мундира имѣетъ способность вызывать въ Россіи. Всѣ ждали неминуемой бѣды.

„Полиція, полиція къ намъ ѣдетъ"! съ крикомъ вбѣжала доложить дѣвочка Феня, заслыша разъ на большой дорогѣ почтовый колокольчикъ. При этомъ страшномъ извѣстіи всѣ словно обезумѣли отъ страха. Графиня убѣжала въ свою спальню и улеглась въ постель, какъ самое безопасное убѣжище. Графъ бросился въ комнату Вѣры и, схвативъ въ охапку, безъ разбору, всѣ книги и бумаги, какія попались ему подъ руку, побросалъ ихъ собственноручно въ топившуюся какъ на бѣду печку. Прислуга вся куда-то разбѣжалась.

Оказалось однако, что тревога была напрасная. Это просто проѣзжалъ акцизный чиновникъ, но всѣ долго не могли успокоиться отъ пережитаго волненія.

Что касается Вѣры, то обрушившійся на нее ударъ былъ такъ неожиданъ, такъ подавляющъ, что она была ошеломлена имъ и не сразу могла постичь всю глубину своего несчастія.

Что Васильцева отъ нея увезутъ совсѣмъ, навсегда —эта мысль была такъ невообразимо ужасна, что какъ то еще не укладывалась въ ея головѣ. Что будетъ послѣ его отъѣзда—она не думала. Это „послѣ“ представлялось ей какой то черной, бездонной пропастью, въ которую безъ головокруженія и заглянуть нельзя было. Въ настоящую минуту ея главная тревога, ея самый настоятельный, самый мучительный страхъ состоялъ въ одномъ: чтобы онъ не уѣхалъ, не простившись съ нею. Увидѣть его еще разъ, хоть на часокъ, хоть на минутку, потомъ будь, что будетъ! Иногда ей казалось даже, что стоитъ имъ увидѣться и все опять будетъ хорошо, все такъ или иначе уладится.

Всѣ ея желанія, всѣ ея мысли, всѣ ея стремленія сосредоточились теперь на одномъ: повидаться съ нимъ. Но устроить свиданіе было не легко. Васильцева, разумѣется, держали эти дни плѣнникомъ въ его собственномъ домѣ, подъ строжайшимъ присмотромъ жандармовъ.

За Вѣрой тоже былъ бдительный надзоръ. Что она собирается выкинуть какую-нибудь отчаянную штуку, всѣ подозрѣвали въ семьѣ; поэтому на нее наложили родъ домашняго ареста; днемъ мать и сестры ни на шагъ не отпускали ее отъ себя; ночью Анисьѣ было поручено слѣдить за ней.

Прошло уже два дня, а Вѣрѣ, какъ она ни изощряла свой умъ, все не удавалось еще уйти тайкомъ изъ дому. Даже вѣсточки отъ Васильцева она не имѣла, такъ какъ прислугѣ было строго на строго повелѣно собаки изъ сосѣдней усадьбы на дворъ не пускать.

Оставалась всего одна ночь. Завтра чуть свѣтъ его увезутъ, и тогда—конецъ всему. При этой мысли Вѣрѣ показалось, что она съ ума сходитъ.

„Анисья, родная моя, голубушка! Отпусти меня къ нему! На часокъ, всего на одинъ часокъ! Никто не узнаетъ“, взмолилась она приставленной къ ней горничной.

„Что вы, барышня, и думать не могите“! испугалась сперва Анисья и даже руками замахала отъ ужаса.

„Анисья! Вспомни о твоей молодости! Сама ты мнѣ разсказывала не разъ, какъ вамъ прежде въ крѣпостное время тяжело жилось. А вѣдь ты-то подумай: за васъ же, за мужиковъ, Михаилъ Степановичъ страдаетъ“.

„Охъ барышня, болѣзная вы моя, и не говорите! Сама я знаю, что сосѣдъ добрый былъ баринъ. И намъ, слугамъ, его жалко, повѣрите-ли, до слезъ жалко! И васъ, барышня, жалѣемъ мы. Вотъ, думали, парочка-то будетъ! Не разъ сердце радовалось на васъ глядючи! Да что подѣлаешь! Господняя воля!.... Барышня, матушка, да что вы! Съ ума, голубушка, сошли! У меня, у холопки подлой въ ногахъ валяетесь“.

Вѣра въ отчаяніи бросилась на колѣни передъ Анисьей и цѣловала ея руки.

„Анисья, если не отпустишь меня, то знай, что на тебѣ моя кровь лежать будетъ. Вотъ тебѣ крестъ, что руки на себя наложу, коль не удастся повидать его до отъѣзда“.

Не каменное было сердце у Анисьи. Со многими вздохами, со многими причитаніями обѣщала она наконецъ выпустить барышню съ задняго крыльца немножко по позднѣй, когда всѣ въ домѣ улягутся.

Была уже ночь на дворѣ, когда Вѣра, одѣвшись въ Анисьино платье и накинувъ на голову черную поношенную шаль, крадучись вышла изъ дому. Въ послѣд-

ніе дни опять стало холоднѣе и, хотя днемъ солнце жарко грѣло, но къ вечеру завернулъ даже легкій морозецъ; лужи на большой дорогѣ подернулись тонкою, какъ скорлупа, ледяною корочкой, которая хрустѣла подъ ногами Вѣры. Легкій ознобъ пробѣгалъ по ея членамъ. Такъ какъ ручей, отдѣлявшій другъ отъ друга обѣ усадьбы, теперь разбушевался и вышелъ изъ береговъ, то обычнымъ путемъ черезъ обрывъ идти нельзя было, а приходилось дѣлать обходъ, версты въ двѣ. Никогда еще не случалось Вѣрѣ быть одной въ полѣ ночью. Знакомая дорога казалась ей теперь совсѣмъ иною, чѣмъ днемъ. Всѣ предметы вдругъ измѣнились и стали не узнаваемы.

Вѣра шла впередъ, не оглядываясь. Она не чувствовала ни страха, ни волненія; даже печаль о предстоящемъ отъѣздѣ Васильцева и та улеглась. Легкое головокруженіе, далеко не непріятное, какъ туманомъ заволакивало ея мысли. Ноги ея вдругъ стали такъ легки; тѣла совсѣмъ не ощущалось. Она шла какъ во снѣ и опомнилась лишь передъ самыми воротами Васильцевской усадьбы.

Тамъ все уже было темно; видно было, что всѣ уже спятъ. Только въ одномъ окнѣ изъ-подъ спущенной шторы, слабо пробивалась полоса свѣта.

Вѣра постучалась въ ворота, сперва тихо, нерѣшительно. Никто не откликнулся; тогда она стала стучать все сильнѣе и сильнѣе. Двѣ собаки выскочили изъ-подъ воротъ и подняли злобный, оглушительный лай. Наконецъ послышались шаги. Жандармъ, заспанный, въ башмакахъ на босу ногу и въ мундирѣ, небрежно накинутомъ на плечи, пришелъ съ фонаремъ отворять ворота.

„Чего надо? Кто тамъ ночью шляется?—проворчалъ онъ сердито.—Э-э да это мамзель какая-то“.... Досада смѣнялась удивленіемъ.

„Мнѣ барина надо“. Проговорила Вѣра чуть внятно. Она дрожала всѣмъ тѣломъ, но робости большой не ощущала.

Жандармъ приподнялъ фонарь такъ, чтобы свѣтъ его прямо палъ на Вѣрино лицо и принялся ее разглядывать безцеремонно и не торопясь. „Горничная, надо полагать"! рѣшилъ онъ мысленно. Лицо его все болѣе и болѣе прояснялось.

„Послушай-ка, красавица, а тебѣ, видно, хорошо знакома дорога къ барину ночью"! — проговорилъ онъ наконецъ съ усмѣшкой. — Но сегодня, видишь-ли, потруднѣй будетъ до него добраться", прибавилъ онъ, внезапно мѣняя тонъ и становясь опять суровымъ.

„Пустите меня, ради Христа пустите"! взмолилась Вѣра. Изъ словъ жандарма она поняла только, что ее не пустятъ къ Васильцеву, что ей придется уйти, не увидавъ своего друга. Голосъ ея звучалъ такой мольбой, такимъ отчаяніемъ, что жандармъ, по природѣ слабый къ женскому полу, не устоялъ.

„Ну, ну! Не реви!—успокоилъ онъ ее добродушно. —Посмотримъ, чѣмъ тебѣ услужить сможемъ... А полковнику-то все-таки придется доложить"..., присовокупилъ онъ, подумавъ немножко.

Онъ пропустилъ Вѣру въ ворота, провелъ ее по двору и велѣлъ подождать въ передней, а самъ пошелъ за перегородку къ полковнику, который уже легъ почивать, но проснулся отъ шума.

То же странное оцѣпенѣніе, то же полное равнодушіе ко всему, какъ и по дорогѣ, снова овладѣло Вѣрой. Не смущаясь нимало, услышала она, какъ жандармъ доложилъ своему начальнику, что любовница Васильцева пришла съ нимъ проститься. Она услышала, какъ полковникъ отпустилъ вольную шуточку на ея счетъ и освѣдомился смазливенькая-ли дѣвченка. Все это долетало до ея слуха, не производя на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія, какъ будто касалось совсѣмъ не ея.

„Эхъ чортъ! Пусти ее! Пусть его себѣ повеселится на послѣдокъ", рѣшилъ наконецъ полковникъ.

Жандармъ отворилъ дверь во внутреннія комнаты и Вѣра стрѣлой бросилась туда.

„Ишь какъ загорѣлось! засмѣялся жандармъ. Но послушай-ка ты, какъ тебя звать, душенька, и насъ не забудь въ другой разъ, когда милый-то твой уѣдетъ“! прокричалъ онъ ей вслѣдъ.

Но Вѣра ничего не слыхала. Она пробѣжала однимъ духомъ двѣ-три комнаты, отдѣлявшія ее отъ закрытой двери, сквозь щель которой пробивался слабый свѣтъ.

Васильцевъ сидѣлъ въ спальной, служившей ему и кабинетомъ. Онъ еще не раздѣвался и былъ погруженъ въ разборъ своихъ книгъ и бумагъ. Большая просторная комната имѣла теперь тотъ жалкій, безпорядочный видъ, какой бываетъ обыкновенно передъ отъѣздомъ. На узкой желѣзной кровати съ откинутымъ одѣяломъ въ углу было навалено бѣлье, портфели и тетради. Лоскутки бумаги, разорванныя письма, старые счеты валялись по полу. Два большихъ деревянныхъ ящика биткомъ были набиты книгами; за то голыя полки вдоль стѣнъ имѣли видъ обнаженныхъ черныхъ скелетовъ. По серединѣ комнаты лежалъ раскрытый чемоданъ, изъ котораго торчало бѣлье, платье и пара сапогъ.

Когда Вѣра открыла дверь, ее въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ дому, охватило такое сильное волненіе, что на минуту ей почудилось, будто сердце у ней перестало биться. Она остановилась на порогѣ, будучи не въ силахъ сдѣлать шагъ впередъ или сказать единое слово.

Васильцевъ сидѣлъ къ ней спиной, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ и такъ былъ погруженъ въ свое дѣло, что не замѣтилъ даже какъ скрыпнула дверь. Но когда черезъ минуту онъ случайно обернулся и вдругъ увидѣлъ блѣдную высокую фигуру Вѣры въ дверяхъ, лицо его не выразило удивленія, только одну безконечную радость: онъ какъ будто ждалъ ее и былъ увѣренъ, что она придетъ. Онъ бросился къ ней и нѣсколько секундъ они стояли другъ передъ другомъ, взявшись за руки, молча, такъ какъ у обоихъ,

какъ судорогой было сжато горло. Съ сдавленнымъ рыданіемъ Вѣра наконецъ рванулась къ нему.

Легкій шорохъ шаговъ послышался за дверью: въ комнатѣ почувствовалось вдругъ невидимое присутствіе посторонняго лица. Нервная дрожь, какъ отъ физическаго отвращенія, пробѣжала по всему тѣлу Васильцева.

„Вѣра! другъ мой, успокойся ради Бога. Мы не одни. Насъ подслушиваютъ. Не дадимъ этимъ мерзавцамъ любоваться нашими муками“, прошепталъ онъ сквозь зубы. Къ нему внезапно вернулось все его самообладаніе. Онъ взялъ ее за руки и усадилъ рядомъ съ собой на диванѣ, сдвинувъ въ сторону цѣлый ворохъ книгъ. Лицо его было очень блѣдно; вокругъ угловъ рта пробѣгала время отъ времени судорога и синія жилы на вискахъ натянулись, какъ веревки. Но онъ заговорилъ спокойнымъ, ободряющимъ голосомъ о постороннихъ вещахъ.

„Вотъ въ этомъ ящикѣ, Вѣра, я отложилъ тѣ книги, которыя оставляю вамъ. Мы начинали читать съ вами Спенсера. Вы найдете тутъ нѣсколько отмѣтокъ карандашемъ, которыя я сдѣлалъ для васъ“...

Она сидѣла на диванѣ, не шевелясь, словно застывъ въ одномъ положеніи; ея руки были такъ крѣпко сжаты, что ногти пальцевъ одной руки почти впивались въ другую. Его слова доходили до ея слуха, какъ не ясный гулъ безъ опредѣленнаго смысла. Когда онъ обращался къ ней съ вопросомъ, она отвѣчала машинально кивкомъ головы или слабой, жалкой улыбкой; говорить она не рѣшалась, такъ какъ чувствовала, что при первомъ словѣ разразится рыданіями.

Постукиваніе маятника стѣнныхъ часовъ раздавалось мѣрно и отчетливо. Большой шмель съ тяжелымъ, порывчатымъ жужжаніемъ метался по комнатѣ; затихнетъ было на минуту, потомъ опять начнетъ неистово биться о потолокъ и объ окна. Вѣра испытывала какъ бы физическое ощущеніе того, какъ время сочится, словно жидкость изъ треснувшаго сосуда, капля за

капелей; все меньше и меньше остается драгоцѣнныхъ капель. Разлука все ближе, ближе, разлука на многіе годы, быть можетъ, навсегда. И ни слова отъ души, ни ласки. Какъ чужіе, сидятъ они другъ передъ другомъ, и все тотъ же легкій шорохъ въ сосѣдней комнатѣ.

Пламя стеариновой свѣчи пожелтѣло вдругъ; окно съ опущенной сторой, казавшееся прежде большимъ чернымъ пятномъ, приняло синевато-фіолетовый оттѣнокъ. На дворѣ громко пропѣлъ пѣтухъ, зачирикали воробьи, замычали коровы: все—обычные предвѣстники весенняго утра въ деревнѣ.

Холодное тупое отчаяніе овладѣло Вѣрой. Теперь въ первый разъ предстоящая разлука выступила во всей ея осязательной безнадежной дѣйствительности. До сихъ поръ между ней и концомъ все-таки лежало еще ожидаемое счастье этого послѣдняго свиданія; безумная, безотчетная надежда на что-нибудь неопредѣленное была такъ сильна, что затемняла самую мысль о разлукѣ; но теперь ничего, ничего больше не оставалось. Всему былъ конецъ.

Васильцевъ всталъ съ дивана, поднялъ штору и отворилъ окно. Первые лучи чуднаго весенняго утра хлынули снопомъ. Свѣтъ, шумъ, весенній запахъ цвѣтовъ, весенія пѣсни, — все ворвалось заразъ радостное, торжествующее, безжалостное.

Быстрымъ безотчетнымъ движеніемъ Васильцевъ захлопнулъ окно и опустилъ штору. Онъ бросился на кушетку и горько зарыдалъ. Вся его рослая сильная фигура колыхалась отъ рыданій.

Однимъ скачкомъ Вѣра очутилась возлѣ него. Она опустилась у его ногъ и, прижимаясь къ нему всѣмъ своимъ существомъ, покрыла его поцѣлуями. „Милый мой! Радость моя! Не уѣзжай одинъ! Жизнь моя! Возьми меня съ собой“!

Васильцевъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Теперь онъ не думалъ о томъ, чтобы ее успокоить; онъ отвѣчалъ на ея жаркія ласки; онъ прижималъ ее къ се-

бѣ все крѣпче и крѣпче; губы ихъ слились въ первый разъ въ долгомъ страстномъ поцѣлуѣ.

Внезапно Васильцевъ опомнился. Онъ рѣзко, почти грубо, оттолкнулъ отъ себя Вѣру, всталъ на ноги и заходилъ по комнатѣ. Одна на колѣняхъ передъ пустой кушеткой Вѣра долго продолжала рыдать горько и беззвучно.

Когда Васильцевъ снова подошелъ къ ней, лицо его какъ-то вдругъ осунулось, какъ послѣ долгой тяжелой болѣзни.

„Вѣра, моя голубка, прости меня!—послышались его слова. — Много я тебѣ доставилъ горя, бѣдняжка моя! Какъ мнѣ взять тебя съ собой! Могу-ли я тебя—свѣжее, молодое существо, приковывать къ старой, полуоконченной жизни! Да если бы я и хотѣлъ, развѣ мнѣ дадутъ? Развѣ твои родители не вернутъ тебя силой“? Голосъ его былъ глухой, надтреснутый. Вѣра больше не плакала; она теперь знала, что дѣйствительно пришелъ конецъ всему.

Теперь уже совсѣмъ разсвѣло. Скоро послышался стукъ въ двери. Жандармъ пришелъ объявить, что черезъ часъ пора пускаться въ путь.

„Вѣра, не лучше-ли тебѣ уйти теперь“, тихимъ, глухимъ голосомъ сказалъ Васильцевъ; но она молча покачала головой; она хотѣла остаться при немъ до конца. Странное оцѣпенѣніе, сознаніе какъ бы недѣйствительности всего окружающаго снова овладѣло ею. Васильцевъ тоже ходилъ и говорилъ, какъ во снѣ.

Всѣ его домочадцы, старая кухарка, староста, его пріятели мужики стали приходить одинъ за другимъ, чтобы проститься.

Входя въ комнату, они сперва крестились на образа, потомъ подходили къ барину и, утеревъ себѣ усы, цѣловали его трижды серьезно, торжественно, какъ бы совершая религіозный обрядъ. Нѣсколько бабъ съ ребятишками на рукахъ стояли у крыльца и выражали свое горе ревомъ, похожимъ на причитанія по покойникѣ.

Вѣра глядѣла сухими глазами на этихъ людей, какъ они входили, говорили, вздыхали, плакали; они представлялись ей какими-то автоматами, совершающими странное сложное представленіе.

Жандармскій полковникъ закусывалъ въ сосѣдней комнатѣ, усердно подливая себѣ изъ графинчика.

„И вамъ, батюшка Степанъ Михайловичъ, не мѣшало бы подкрѣпиться передъ дорогой"! проговорилъ онъ добродушнымъ, ободряющимъ голосомъ.

Черезъ полуоткрытую дверь онъ бросалъ украдкой любопытные взгляды на Вѣру, но прямо къ ней не обращался, разгадавъ, вѣроятно, что она — не простая горничная.

Запряженный тройкою тарантасъ подкатилъ къ крыльцу. Полковникъ усѣлся въ немъ рядомъ съ Васильцевымъ; одинъ изъ жандармовъ помѣстился на козлахъ съ кучеромъ; другой остался еще при домѣ. „Эй! съ богомъ"! Лошади подхватили, и тарантасъ, покачиваясь съ боку на бокъ, понесся по топкой дорогѣ. Скоро онъ скрылся на поворотѣ за березовой рощей. Звонъ бубенчиковъ доносился съ каждой минутой все слабѣе и слабѣе. Наконецъ онъ совсѣмъ замолкъ. Не слыхать ничего больше, ничего, кромѣ обычныхъ мелодическихъ звуковъ деревенскаго утра весной.

Потупивъ голову, не оглядываясь, Вѣра тихо шла обратной дорогой. Цвѣтущая черемуха осыпала ее бѣлыми лепестками; крупныя душистыя капли росы полетѣли на нее съ вѣтокъ. Молодой зайчикъ выскочилъ на полянку и усѣвшись на кочку, забарабанилъ передними лапками, призывая зайчиху, но увидѣвъ вдругъ человѣческое существо, откинулъ длинныя уши назадъ и далъ стречка въ лѣсъ. Небо искрилось и сіяло, какъ будто солнце распустилось въ лазуревомъ эфирѣ и залило весь небесный сводъ. Высоко, высоко, надъ головами изъ маленькой черной трепещущей точки неслась, наполняя все пространство, могучая пѣснь о счастьи и любви.

VIII

Тихо, медленно тянется время. Дни ползутъ за днями, однообразные, тяжелые, полные сѣрой свинцовой тоски.

Сначала въ самое первое время послѣ отъѣзда Васильцева весь организмъ Вѣры такъ былъ потрясенъ пережитымъ ею нервнымъ ударомъ, что даже печали сильной она не ощущала; всякая способность жить и волноваться замерла въ ней. Преобладающимъ чувствомъ была глубокая, подавляющая усталость. Цѣлые дни проводила она какъ бы въ спячкѣ, неспособная ни къ малѣйшему напряженію мысли. Случалось, что среди разговора она вдругъ неожиданно засыпала. Порой только это нравственное оцѣпенѣніе на мигъ разсѣевалось какъ бы физическимъ воспоминаніемъ послѣднихъ минутъ, проведенныхъ съ Васильцевымъ. Въ ушахъ ея проносился его мягкій, ласковый голосъ; на губахъ ощущался слѣдъ жгучаго поцѣлуя. По всему ея тѣлу пробѣгала страстная дрожь. И странно, послѣ всякой такой минуты на нее находило внезапное успокоеніе, непоколебимая увѣренность: „такъ не можетъ кончиться. Мы увидимся опять“.

Время шло и, по мѣрѣ того какъ физическія силы возстановлялись, оживала способность къ болѣе острому страданію. Съ возвращеніемъ къ обычнымъ занятіямъ потребность видѣть Васильцева, потребность вскор-

мленная трехлѣтней ежедневной привычкой, сказываясь все настоятельнѣй, все мучительнѣй. Каждая мелочь, каждый пустякъ немилосердно напоминалъ о немъ; на всякій окружающій предметъ онъ какъ бы наложилъ свою печать; что бы она ни дѣлала, за что бы она ни принималась, непремѣнно встрѣтится что нибудь такое, что живо воскреситъ память о прошломъ, о счастливой минутѣ, о маленькомъ, маловажномъ эпизодѣ, на который, когда онъ происходилъ, не обращалось почти вниманія, но воспоминаніе о которомъ вызывало теперь жгучій, страстный наплывъ отчаянія.

Всего хуже было просыпаться поутру. У ней бывали теперь такіе странные, яркіе сны: она видѣла его такъ реально, такъ жизненно, такъ всѣмъ своимъ существомъ ощущала его близость; при томъ все это происходило такъ вѣроятно, было обставлено такою массою маленькихъ правдоподобныхъ деталей, совсѣмъ какъ въ дѣйствительности, что случалось ей даже самой радостно говорить себѣ во снѣ: „нѣтъ ужъ теперь это не сонъ! Теперь это правда"! И вдругъ словно завѣса прорвется, все моментально завертится, стушуется, расплывется, острое сотрясеніе пройдетъ по всему ея организму, и нѣтъ больше ничего. Опять она одна въ постели; опять она охвачена мучительнѣйшимъ сознаніемъ своего одиночества. Опять она лежитъ и корчится, и извивается въ страстныхъ безнадежныхъ рыданіяхъ. И что ни день, все хуже, все настоятельнѣй становилась тоска. Домашнихъ своихъ Вѣра и прежде чуждалась; теперь общество сестеръ, ихъ мелочные интересы, ихъ пустые разговоры стали ей невыносимы. Все казалось ей безцвѣтнымъ, приторнымъ. Когда ей приходилось быть съ кѣмъ-нибудь, она только и думала, какъ бы поскорѣй уйти; ей все казалось, что ей надо остаться одной, чтобы серьезно подумать. И лишь только ее оставляли въ покоѣ, она, дѣйствительно, тотчасъ принималась думать, т. е., мечтать торопливо, страстно. Картины самыя безумныя,

самыя невозможныя рисовались въ ея воображеніи: она уже столько разъ переживала въ умѣ всю сцену, какъ она убѣжитъ изъ дому, какъ отыщетъ Васильцева гдѣ бы-то ни было, хоть на днѣ морскомъ. Мечты приносили минутное облегченіе, но вдругъ, откуда ни возьмись, явится холодная, отрезвляющая мысль: „у меня нѣтъ ни копейки денегъ, а до Вятки 3000 верстъ! Да и куда пойдешь въ Россіи безъ паспорта? Съ первой станціи вернутъ по этапу“. Мечты уносились и оставляли по себѣ горькую, приторную оскомину.

Разумной надежды не было ни малѣйшей. Оставалась безотчетная вѣра въ чудо. Въ началѣ, когда слишкомъ одолѣвало горе, всегда являлось физическое возмущеніе: „такъ страдать невозможно! Этому *будетъ* конецъ“! Но конца не приходило. Страданіе становилось вещью нормальной, обыденной. Теперь при каждомъ пароксизмѣ отчаянія горечь данной минуты еще усугублялась воспоминаніемъ о вчерашнемъ и увѣренностью, что и завтра будетъ то же.

И вдругъ въ тотъ моментъ, когда Вѣра уже совсѣмъ начала поддаваться безнадежности, когда мрачная, тупая, свинцовая тоска стала ея постояннымъ настроеніемъ духа — вдругъ сверкнулъ лучъ счастья: она получила письмо отъ Васильцева. Писать ей обыкновеннымъ образомъ по почтѣ онъ не могъ: письма были бы перехвачены либо полиціей, либо ея родителями; но онъ умудрился прислать ей вѣсточку черезъ одного знакомаго купца, имѣвшаго торговыя сношенія съ Вяткой.

Письмо было короткое, очень сдержанное, безъ всякихъ нѣжныхъ изліяній: видно было, Васильцевъ имѣлъ въ виду, что оно можетъ попасть въ чужія руки. Но врядъ-ли когда самое длинное, самое страстное посланіе принесло больше радости, чѣмъ этотъ маленькій лоскутокъ бумаги. Вѣра чуть съ ума не сошла отъ счастья! Какъ всегда бываетъ, когда ужъ очень настрадается человѣкъ, при первомъ облегченіи она такъ заторопилась радоваться, что ей показалось, будто те-

перь все прошло; горя — какъ не бывало. Главное было имѣть отъ него извѣстіе. Всего ужаснѣе было чувство, что онъ вдругъ куда-то пропалъ, какъ сквозь землю провалился, что даже связи никакой съ нимъ не осталось. Теперь же лишь только явилась возможность переписываться, отъѣздъ его сдѣлался обыкновеннымъ отъѣздомъ, разлука съ нимъ стала временной непріятностью, а не тѣмъ подавляющимъ, безъисходнымъ несчастіемъ, какъ прежде.

Хотя послѣ первыхъ же минутъ Вѣра не только знала письмо Васильцева наизусть, но даже внѣшній видъ его какъ бы врѣзался ей въ памяти, однако не проходило дня, чтобы она не читала и не перечитывала драгоцѣнной бумажки. Въ первую недѣлю по полученіи письма она жила этой радостью; потомъ ушла вся въ ожиданіе слѣдующаго.

Какъ всѣ люди, живущіе исключительно одной мыслью, однимъ интересомъ и при томъ такимъ, въ которомъ они по неволѣ должны ограничиваться пассивной, выжидательной ролью, Вѣра вдругъ стала ужасно суевѣрна. Въ каждой мелочи видѣла она теперь хорошее или дурное предзнаменованіе, хорошую или дурную примѣту. У ней явилась какая-то ребяческая привычка постоянно загадывать. Когда она проснется поутру, вдругъ ни съ того ни съ сего пронесется въ головѣ ея мысль: „если Анисья, войдя въ комнату, первымъ дѣломъ поздоровается со мной, это будетъ значить, что все благополучно и скоро придетъ письмо; если же она, не говоря ни слова, подойдетъ сперва къ окну и подыметъ штору, то это будетъ худой знакъ“. Стоило такой нелѣпой мысли мелькнуть, и Вѣра противъ воли тревожно, съ бьющимся сердцемъ, начинала поджидать появленія горничной и потомъ была весь день бодра или печальна, смотря по тому, какой отвѣтъ дала ей иноія.

Несмотря на трудность переписываться, Васильцевъ въ теченіе лѣта и слѣдующей осени нашелъ возможность прислать Вѣрѣ три письма. По мѣрѣ того какъ

онъ убѣждался, что письма доходятъ благополучно по назначенію, онъ начиналъ писать все свободнѣе и задушевнѣе. Послѣднее письмо было особенно нѣжное и ободряющее. Онъ жаловался, правда, вскользь на упорный кашель, отъ котораго никакъ не можетъ отдѣлаться, но вообще казался въ хорошемъ, бодромъ настроеніи духа; въ первый разъ даже коснулся онъ опредѣленно плановъ на будущее. „Мнѣ подаютъ надежду, писалъ онъ, что ссылкѣ моей будетъ конецъ. Но если бы даже эта надежда и не оправдалась, то вѣдь во всякомъ случаѣ, черезъ два съ половиной года ты будешь совершеннолѣтней и будешь сама располагать твоей судьбой. Дитятко мое дорогое! Если бы ты только знала, какимъ сумасшедшимъ мечтамъ предается иногда твой старый безумно любящій тебя другъ"!

Вѣра себя не помнила отъ радости, получивъ это письмо. Теперь она не сомнѣвалась въ будущемъ. Два съ половиной года—не вѣчность; они пройдутъ, а послѣ ничто, ничто въ мірѣ не удержитъ ея вдали отъ милаго.

Но увы! За этимъ радостнымъ письмомъ другихъ не послѣдовало. Знакомый купецъ, на бѣду, уѣхалъ куда-то по дѣламъ на долгій срокъ. Онъ обѣщалъ, правда, что въ его отсутствіе его прикащикъ будетъ передавать письма. Но недѣля проходила за недѣлей—извѣстій все не было. Вѣра такъ твердо вѣрила теперь въ счастье, что вначалѣ это отсутствіе писемъ не очень даже ее безпокоило; она выдумывала всевозможныя причины, чтобы объяснить его себѣ. Мало-помалу ея тревога усилилась, и скоро стала поглощающимъ чувствомъ. Всѣ ея мысли сосредоточились на одномъ: получить письмо. Днемъ она то и дѣло прислушивалась, не ѣдетъ-ли кто отъ знакомаго купца, ночью только о томъ и грезила, что ей подаютъ конвертъ съ милымъ почеркомъ.

Мука этого безплоднаго, томительнаго, ежеминутнаго ожиданія становилась подчасъ такъ невыносима, что все ея существо возмущалось. Иногда даже противъ

самого Васильцева являлась у ней горечь и злоба. „Если бы я его никогда не встрѣчала, жила бы я себѣ спокойно, какъ сестры мои живутъ“! думала она съ сожалѣніемъ въ припадкахъ малодушной слабости. Однажды у ней на душѣ поднялась такая буря противорѣчащихъ другъ другу мучительныхъ чувствъ, что она въ какомъ-то неистовствѣ взяла и разорвала въ клочки послѣдне его письмо. Но когда бѣлая измятая, истерзанная бумага снѣгомъ посыпалась на полъ, въ ней вдругъ проснулось раскаяніе; явилась какая-то гадливость къ самой себѣ, точно она сама подняла руку на то, что ей было всего дороже. Цѣлый часъ потомъ провозилась она, собирая драгоцѣнные клочки и слѣпливая ихъ вмѣстѣ на листѣ чистой бумаги.

Снова весна на дворѣ, а извѣстій все нѣтъ. При хорошей погодѣ, Вѣра уходила на обрывъ, съ котораго былъ видъ на сосѣднюю усадьбу, и часами просиживала на старой, полуразрушенной скамейкѣ въ тупой, тоскливой апатіи.

Однажды сидѣла она такъ по обыкновенію и вдругъ увидѣла почтовый тарантасъ, который свернулъ съ большой дороги по направленію къ дому Васильцева.

„Что это значитъ? Куда это онъ?“ подумала она, и сердце ея вдругъ шибко, шибко забилось. „Проѣдетъ онъ, можетъ быть, мимо на сосѣднее село? Нѣтъ, вотъ онъ гремя въѣзжаетъ на старый полусгнившій мостикъ, вотъ онъ повернулъ въ аллею. Отсюда уже другаго пути нѣтъ... Господи, кто это такой?“

Волненіе, охватившее ее, было такъ сильно, что ноги у ней затряслись, и она едва была въ силахъ встать съ мѣста. Сердце ея кольнуло болѣзненнымъ предчувствіемъ, и въ то же время и радостная дрожь по ней пробѣжала: „Все хоть знать буду! Все лучше неизвѣстности“!

Быстро набросивъ платокъ на плечи, она побѣжала по направленію къ сосѣдней усадьбѣ; но подходя къ дому шагъ ея невольно все больше и больше замедлялся; все больнѣй, все мучительнѣй сжималось сердце.

На поросшемъ травой дворѣ стоитъ пустой тарантасъ. Ямщикъ, снявъ шапку и отирая потъ съ лица, возится съ лошадьми. Парадная дверь на крыльцо, столько времени стоявшая заколоченной, теперь открыта настежь. Вѣра входитъ въ переднюю, въ залу — тамъ все пусто. Пахнетъ сыростью, нежилымъ; сквозь полураскрытыя ставни слабо брызжетъ свѣтъ.

Мебель, стулья, столы, диванъ—все разставлено совсѣмъ такъ же, какъ въ день его отъѣзда. Физическое воспоминаніе этого ужаснаго утра вдругъ разомъ, всецѣло охватываетъ ее.

Изъ его кабинета доносится шумъ, голоса. Вѣра идетъ туда. Старикъ дворникъ возится у окна со ставней, которая не поддается, такъ какъ засовы заржавѣли. Бывшая кухарка съ большой связкой ключей въ рукахъ утираетъ передникомъ слезы. Въ полумракѣ Вѣра едва можетъ разглядѣть еще три фигуры у письменнаго стола. Въ одной изъ нихъ она признаетъ наконецъ исправника, двѣ другихъ — мужчина и женщина, — въ дорожномъ платьѣ, совсѣмъ ей незнакомы.

Когда ставня наконецъ отворена, исправникъ, съ своей стороны, тоже узнаетъ ее и подходитъ.

„Вотъ позвольте представить, господа Голубинскіе— родственники нашего бѣднаго Михаила Степановича. На дняхъ получили офиціальное извѣстіе, что двоюродный братецъ ихъ скончался въ Вяткѣ отъ чахотки. Вчера пріѣхали къ намъ въ городъ и обратились ко мнѣ, чтобы я ввелъ ихъ во владѣніе. Имъ, по закону, родовое имѣнье достается“...

На этотъ разъ природа оказалась милостивой къ Вѣрѣ; услышавъ грозную вѣсть, Вѣра потеряла сознаніе. У ней открылась бѣлая горячка. Цѣлыя недѣли пролежала она въ бреду. Выздоровленіе шло медленно.

Вѣра стала мало-по-малу возвращаться къ жизни и, какъ у всѣхъ воскресающихъ послѣ тяжелой болѣзни, она испытываетъ теперь въ высшей степени физическую радость существованія. Съ свойственнымъ выздоровляющимъ инстинктомъ самосохраненія она уда-

ляла отъ себя всѣ тяжелыя, серьезныя мысли; всѣ ея помыслы и желанія сосредоточивались теперь на мелочныхъ радостяхъ и печаляхъ, какими богата жизнь больной, и мелочи эти принимали въ ея глазахъ странную, непропорціональную важность; все опять пріобрѣло для нея прелесть новизны, какъ для ребенка. Она радовалась, если бульонъ вкусно приготовленъ, и плакала, если подушку ея поправятъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Было цѣлымъ событіемъ въ домѣ, когда ей позволили въ первый разъ скушать крылышко жаренаго цыпленка.

Когда наконецъ насталъ періодъ полнаго выздоровленія, и жизнь вошла въ свою норму, прошедшее представлялось ей въ отдаленіи, какъ черезъ дымку.

Однажды, когда она уже начала сидѣть въ постели, отецъ принесъ ей какія-то бумаги, подъ которыми ей надо было подписаться. Вѣра слабой, дрожащей рукой начертила свое имя, но съ какимъ-то инстинктивнымъ предчувствіемъ чего-то страшнаго не спросила даже, почему это нужно.

Лишь нѣсколько недѣль спустя, когда она уже совсѣмъ оправилась, родители сообщили ей, что Васильцевъ передъ смертью написалъ завѣщаніе, по которому оставилъ ей часть своего состоянія.

Въ благодарность за это отецъ счелъ себя обязаннымъ передать ей и письмо, которое Васильцевъ написалъ ей передъ смертью.

„Ты была для меня и дочерью, и возлюбленной, Вѣра! писалъ онъ ей, и теперь, умирая, о тебѣ я только и думаю, ты будешь какъ бы продолженіемъ меня. Самому мнѣ ничего не удалось свершить на землѣ. Всю мою жизнь я былъ празднымъ, безполезнымъ мечтателемъ; умру я и слѣда моего не останется, какъ трава въ полѣ, про которую говорится въ пѣсняхъ, скосили ее и высушили, и мѣста, гдѣ она росла, не видать больше. Но ты, моя Вѣра, ты еще молода, ты сильна. Я знаю, я чувствую, что ты призвана къ чему-то высокому и прекрасному. То, о чемъ я только мечталъ,

ты совершишь, то, что̀ я только смутно предчувствовалъ, ты это выполнишь“!

Съ глубокимъ, все ея существо охватывающимъ благоговѣніемъ, читала Вѣра эти строки, написанныя теперь уже похолодѣвшей на вѣки рукой. Ей казалось, что съ ней говоритъ голосъ съ того свѣта. Прежняго страстнаго, негодующаго отчаянія она теперь не испытывала, но она чувствовала, будто черная тѣнь легла на всю ея жизнь и навсегда отрѣзала у нея возможность всякаго простаго, эгоистическаго счастья.

Болѣзнь Вѣры какъ будто вдругъ нарушила весь строй баранцовскаго дома и положила конецъ долгому періоду спокойнаго, скучающаго затишья. Послѣ нея посыпались вдругъ перемѣны одна за другой.

Первая перемѣна была очень пріятнаго свойства, именно такая, какую уже давно всѣ желали и ждали: Лена сдѣлалась невѣстой. Въ ихъ губернскій городъ прислали новый полкъ, одинъ изъ офицеровъ этого полка и былъ виновникомъ это счастливой перемѣны. Вскорѣ послѣ брака однако молодымъ пришлось уѣхать, такъ какъ полкъ услали совсѣмъ въ другой конецъ Россіи. Лиза, заскучавшая дома еще сильнѣй прежняго, поѣхала къ сестрѣ съ тайной надеждой между товарищами зятя найти и себѣ жениха.

Такимъ образомъ семья Баранцовыхъ вдругъ распалась и разсыпалась. Огромные покои стараго барскаго дома казались теперь еще пустѣе прежняго.

А тутъ случилось вдругъ новое неожиданное событіе, далеко не веселое: графа хватилъ параличъ. Но на этотъ еще разъ смерть только постучалась въ окно и прошла мимо, оставивъ однако за собой неизгладимые слѣды. У графа отнялись ноги и ослабѣла память. Онъ впалъ во второе дѣтство. Полулежа въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, онъ весь день капризничалъ, плакалъ и требовалъ, чтобы его забавляли, какъ ребенка. Но всего тяжеле для окружающихъ сдѣлалась его манія разсказывать нескончаемыя исторіи. Цѣлыми часами говорилъ онъ, съ трудомъ шеве-

ля языкомъ, путая слова, разъ сто повторяя то же самое и горько обижаясь, если его не слушаютъ. Одна только Вѣра имѣла терпѣніе ухаживать за больнымъ старикомъ и умѣла понимать его все болѣе и болѣе безсвязную рѣчь.

Графиня, немного пріободрившаяся по случаю Лениной свадьбы, теперь окончательно пала духомъ и опустилась. Она стала страшно религіозна, окружила себя божьими людьми, монахами и странницами, и на все житейское махнула рукой.

Вѣрѣ, которой приходилось быть сидѣлкой больнаго отца, нельзя было теперь и думать о какой-либо собственной дѣятельности. Ею овладѣла мало-по-малу покорная, безнадежная апатія. Конца ея теперешнему существованію не предвидѣлось, такъ какъ доктора объявили, что графъ можетъ прожить еще лѣтъ десять.

По счастью однако эти предсказанія не оправдались. Года черезъ три смерть явилась въ одинъ прекрасный день, совсѣмъ нежданная. Графъ уснулъ однажды спокойнѣе обыкновеннаго, но когда Вѣра, удивленная его продолжительнымъ сномъ, пришла разбудить его, она нашла его уже похолодѣвшимъ.

На похороны въ послѣдній разъ съѣхалась семья и потомъ уже окончательно распалась и разбрелась въ разныя стороны.

Графиня объявила дочерямъ, что рѣшилась поступить въ монастырь; родовое имѣнье купилъ бывшій управляющій; по продажѣ его у каждой изъ дочерей остался капиталъ тысячъ въ двадцать. Старшія сестры возвратились къ своей жизни полковыхъ дамъ.

Вѣра теперь осталась одна на свѣтѣ полной себѣ госпожей. Не долго думая, рѣшилась она поѣхать въ Петербургъ и тамъ искать себѣ какой-нибудь дѣятельности.

IX

Первое время своего пребыванія въ Петербургѣ Вѣра не испытывала ничего, кромѣ разочарованія. Она убѣдилась, что гораздо труднѣе быть полезной, чѣмъ она думала. Въ ея глазахъ быть полезной значило или работать лично надъ разрушеніемъ деспотизма и тираніи, или поддерживать тѣхъ, кто работаетъ въ этомъ направленіи. Она не понимала, что можно быть полезной и другими простѣйшими способами. Но къ кому обратиться за работой, которая бы подошла къ ней. Ея разговоры съ Васильцевымъ мало подготовили ее къ какой бы-то ни было дѣятельности. Они неизмѣнно носили характеръ чего-то абстрактнаго, идеальнаго. Благодаря Васильцеву Вѣра прочла рядъ революціонныхъ изданій. Самъ Васильцевъ въ своихъ разговорахъ представилъ ей поразительную картину всѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество, и указалъ ей источникъ этихъ бѣдствій въ томъ фактѣ, что современная жизнь построена на угнетеніи и конкурренціи, а не такъ какъ слѣдовало бы,—на свободѣ и единеніи. Не разъ заводилъ онъ съ нею рѣчь о мученикахъ, о всѣхъ современныхъ герояхъ свободы, пожертвовавшихъ жизнью и счастьемъ ради торжества святаго дѣла. И она страстно полюбила этихъ героевъ, и про-

лила не одну слезу надъ ихъ судьбой. Но ни въ одномъ разговорѣ Вѣры съ Васильцевымъ не было и рѣчи о томъ, что ей самой нужно дѣлать для того, чтобы уподобиться этимъ героямъ. И въ годы, послѣдовавшіе за арестомъ Васильцева, въ годы одинокихъ размышленій, она ни разу не останавливалась надъ этимъ вопросомъ. Ее всегда поглощала мысль о ближайшей задачѣ, о разрывѣ всякихъ связей съ семьей, объ оставленіи того тѣснаго круга, въ которомъ проходила ея жизнь. Ея незнаніе дѣйствительныхъ условій жизни было такъ велико, что въ ея воображеніи нигилисты являлись чѣмъ-то въ родѣ правильно организованнаго тайнаго общества, работающаго по опредѣленному плану и стремящагося къ достиженію ясно обозначенныхъ цѣлей.

Поэтому она не сомнѣвалась въ томъ, что, разъ попавши въ Петербургъ — въ этотъ очагъ нигилистической агитаціи, она немедленно будетъ завербована въ великую подземную армію и займетъ въ ней опредѣленный постъ, какъ бы скроменъ онъ ни былъ.

Таковы были ея мечты за всѣ эти годы. Но вотъ она въ Петербургѣ, полная госпожа собственной жизни, свободная дѣлать, что ей вздумается. И что же? Цѣль такъ же неясна предъ нею, какъ и прежде. Она не знаетъ къ кому прибѣгнуть, какъ найти даже этихъ настоящихъ нигилистовъ. Великимъ разочарованіемъ для нея было узнать, что мнѣ лично ни одинъ изъ этихъ нигилистовъ не былъ знакомъ, и что я даже не вѣрила въ существованіе обширной революціонной организаціи въ Россіи. Это нимало не входило въ ея разсчеты. Она ждала отъ меня лучшаго.

Я тѣмъ не менѣе позволила себѣ дать ей совѣтъ въ ожиданіи лучшаго заняться посѣщеніемъ лекцій по естественнымъ наукамъ.

Женскіе курсы только что были открыты въ Петербургѣ.

Она послушалась меня и стала ходить на лекціи, но умъ ея не былъ направленъ въ эту сторону. Ей

не удавалось стать на одинъ уровень со своими товарками, войти въ ихъ научные интересы. Большинство этихъ товарокъ были молодыя дѣвушки; онѣ работали усердно, имѣя въ виду опредѣленную цѣль. Онѣ стремились поскорѣй и получше выдержать экзаменъ, чтобы сдѣлаться учительницами и жить собственнымъ трудомъ.

Всѣ ихъ интересы сосредоточивались пока на ученіи, и въ ихъ разговорахъ профессора, курсы, практическія занятія, составляли единственное содержаніе. Міровой скорбью онѣ нимало не страдали. Въ свободную минуту онѣ не прочь были собраться и при случаѣ, т. е., каждый разъ, когда къ ихъ обществу присоединялись студенты, онѣ не могли устоять отъ желанія потанцовать и пококетничать. Все это, очевидно, нимало не отвѣчало меланхолической экзальтаціи такой мечтательницы, какъ Вѣра. Неудивительно поэтому, если, помогая имъ своимъ кошелькомъ, она въ то же время относилась къ нимъ, какъ къ дѣтямъ, и держала себя нѣсколько вдалекѣ отъ нихъ.

Ученіе также не удовлетворяло ея. „Будетъ еще время заниматься науками, думала она, надо прежде добиться того, чтобы главная часть задачи была исполнена". Въ этомъ же смыслѣ отвѣчала она на всѣ мои убѣжденія — болѣе серьезно отнестись къ своимъ занятіямъ.

„Я не понимаю, говорила она мнѣ, какъ среди окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ бѣдствій и подъ впечатлѣніемъ тѣхъ страданій, на которыя жалуется человѣчество можно находить удовольствіе въ томъ, чтобы разсматривать подъ микроскопомъ глазъ мухи; а между тѣмъ этимъ возвышеннымъ предметомъ и занималъ насъ цѣлый часъ нашъ добрый профессоръ В."

Убѣдившись въ томъ, что Вѣра имѣетъ мало вкуса къ естественнымъ наукамъ, я посовѣтовала ей заниматься политической экономіей. Въ результатѣ оказалось то же. Чтеніе ходячихъ трактатовъ по политической экономіи только вызывало въ ней усталость, не

оставляя въ то же время никакого слѣда въ ея головѣ. Принимаясь за нихъ, она напередъ уже была убѣждена въ томъ, что интересующая ихъ авторовъ задача — устроить человѣческое благополучіе, будетъ достигнута только тогда, когда люди раздѣлятъ все между собой, и не будетъ болѣе ни угнетенія, ни собственности.

Она считала это неоспоримой истиной, не допускавшей сомнѣнія, не требовавшей доказательствъ. Къ чему въ такомъ случаѣ ломать себѣ вѣчно голову надъ всѣми этими вопросами о заработной платѣ, о процентахъ, о кредитѣ и о цѣломъ рядѣ столь же скучныхъ и запутанныхъ вещей, единственное назначеніе которыхъ производить путаницу въ умѣ и отклонять людей отъ ихъ настоящей цѣли. Въ наше время всякій порядочный человѣкъ не вправѣ спрашивать себя: „какую цѣль я поставлю для своей личной жизни"? Онъ можетъ только интересоваться выборомъ кратчайшаго пути, ведущаго къ достиженію общей цѣли. Для русскаго такой цѣлью можетъ быть только соціальная и политическая революція. А на эти вопросы никакіе учебники политической экономіи отвѣта не даютъ; слѣдовательно нечего ихъ и читать. Вотъ какъ разсуждала со мною Вѣра. И все же, какъ ни покажется это страннымъ, мы сдѣлались друзьями. Наши свиданія стали часты и въ разговорахъ не разъ проглядывала личная симпатія. Объясняю я это той странной прелестью, какою отличалась вся личность Вѣры.

Черты ея лица были такъ благородны, каждое ея движеніе такъ граціозно и гармонично и, что всего важнѣе, столько было искренняго и наивнаго во всей ея манерѣ держать себя, что я чувствовала себя нравственно удовлетворенною. Но спорить съ нею не было возможности, и мнѣ оставалось только жалѣть о томъ, что умъ ея мало развитъ, и что она поэтому равнодушна ко всѣмъ великимъ благамъ современной цивилизаціи.

Что касается до Вѣры, то она предпочитала меня

всѣмъ своимъ знакомымъ. Но въ то же время она не могла понять, какъ я всецѣло отдаюсь занятіямъ математикой.

Ей казалось, что математикъ — своего рода чудакъ, занимающійся рѣшеніемъ выраженныхъ въ цифрахъ шарадъ. Можно простить ему его манію, такъ какъ она весьма невиннаго свойства, но трудно отказаться отъ нѣкотораго презрѣнія къ его слабости.

Такимъ образомъ каждая изъ насъ смотрѣла на другую свысока, съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Но это не мѣшало нашей пріязни.

А между тѣмъ время шло и Вѣра, чувствуя, что не сдѣлала еще ни одного шага къ достиженію намѣченной ею цѣли, становилась все раздражительнѣе и нетерпѣливѣе. Ея здоровье начало страдать отъ неудовлетворенности этого страннаго желанія „посвятить себя дѣлу“. Яркій румянецъ сталъ сходить съ ея щекъ и выраженіе ея большихъ темно-голубыхъ глазъ становилось съ каждымъ днемъ болѣе задумчивымъ и печальнымъ.

Вспоминается мнѣ, какъ однажды веселымъ зимнимъ утромъ мы прогуливались по Невскому. Небо было ясно и солнце разливало повсюду свои яркіе рѣзкіе лучи. Можно было думать, что какое-то чудо перенесло насъ въ то свѣтящееся царство, о которомъ говорятъ наши народныя сказки. Серебромъ отливало отъ оконъ магазиновъ. Серебро блестѣло подъ ногами и разлеталось вокругъ насъ мелкими блестками. Столько освѣжающаго заключалъ въ себѣ чистый зимній воздухъ, что становилось веселѣе жить. Не смотря на широту тротуаровъ, мы съ трудомъ могли двигаться, такъ какъ со всѣхъ сторонъ насъ тѣснили прохожіе. Мужчины, женщины, дѣти, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ уходившимъ въ мѣхъ подбородкомъ дышали здоровьемъ и весельемъ.

„И сказать, внезапно обратилась ко мнѣ Вѣра, что среди этихъ людей, быть можетъ, находятся тѣ самые, которыхъ я такъ давно ищу. Не одинъ, пожалуй,

могъ бы сказать мнѣ все то, что я тщетно хочу узнать. Знаешь ли, каждый разъ, когда мнѣ приходится встрѣтить симпатичнаго человѣка, я готова остановить его, посмотрѣть ему прямо въ глаза и спросить, не изъ нихъ ли онъ".

„Что же, ради меня пожалуйста не стѣсняйся, отвѣчала я самымъ спокойнымъ тономъ; посмотри, напримѣръ, на этого офицера съ блестящими золотомъ эполетами или на этого франтоватаго адвоката, который такъ самодовольно разсматриваетъ тебя въ свой монокль. Не начнешь ли съ нихъ свои распросы? Ихъ внѣшность многое обѣщаетъ".

Вѣра пожала плечами и тяжко вздохнула.

Къ концу зимы произошло нѣчто, сразу положившее конецъ терзаніямъ Вѣры и давшее ей возможность открыть то, чего она искала.

Еще съ начала января распространился слухъ, что значительные аресты были произведены въ различныхъ мѣстахъ Россіи, и что правительству удалось раскрыть хитро задуманный соціалистическій заговоръ. Слухи эти вскорѣ подтвердились: въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатанъ былъ оффиціальный отчетъ, которымъ оповѣщалось вѣрноподданнымъ, что правосудію удалось наложить руку на цѣлое сообщество политическихъ преступниковъ въ числѣ семидесяти пяти человѣкъ.

Послѣ подавленія польскаго возстанія, неудачнаго покушенія Каракозова и ссылки въ Сибирь Чернышевскаго насталъ въ Россіи періодъ относительнаго политическаго затишья. Правда, и въ это время было не мало заподозрѣнныхъ. Частные аресты и ссылки продолжались своимъ порядкомъ. Но нельзя указать за это время ни одного общаго движенія. Періодъ систематическихъ покушеній еще не наступилъ. Самый характеръ революціонной пропаганды значительно измѣ-

нился, не безъ вліянія иноземныхъ воздѣйствій. Прежде заняты были мыслью о политическихъ реформахъ и ниспроверженіи самодержавія; теперь выступили на очередь соціалистическія задачи. Революціонная интеллигенція постепенно проникалась тѣмъ убѣжденіемъ, что, пока простой народъ останется въ невѣжествѣ и бѣдности, трудно ждать какихъ бы то ни было существенныхъ результатовъ.

Чтобы добиться чего-нибудь, надо работать среди народа, искать съ нимъ сближенія, „опроститься". Людей этого поколѣнія, какъ нельзя лучше, изобразилъ Тургеневъ въ романѣ „Новь". Къ ихъ числу, къ числу наивныхъ и далеко не преступныхъ пропагандистовъ принадлежали и тѣ семьдесятъ пять обвиняемыхъ, о которыхъ я только что упомянула. Они не орудовали ни бомбами, ни динамитомъ; большинство ихъ вышло изъ хорошихъ семей и не знало за собой другой вины, кромѣ „хожденія въ народъ". Съ этой цѣлью они одѣвались въ крестьянскія платья и шли работать на фабрики, съ тайною мыслью о пропагандѣ въ средѣ трудящагося люда. Всего чаще однако дѣло ограничивалось посѣщеніемъ кабаковъ и базаровъ, произнесеніемъ революціонныхъ рѣчей и раздачей брошюръ крестьянамъ. Незнакомые съ нравами народа и съ самымъ его говоромъ, пропагандисты осуществляли свою миссію такъ непрактично и неловко, что послѣ первыхъ же попытокъ „произвести броженіе" между рабочими, хозяева фабрикъ и кабатчики, нерѣдко также сами крестьяне, выдавали ихъ головой полиціи.

Какъ ни малы были достигнутые революціонерами практическіе результаты, правительство тѣмъ не менѣе сочло нужнымъ отнестись къ нимъ съ большой суровостью, въ надеждѣ положить сразу конецъ всякой дальнѣйшей пропагандѣ. Данъ былъ приказъ задерживать всѣхъ, кто только попадется въ руки. Чтобы попасть въ число заподозрѣнныхъ и подвергнуться аресту, достаточно было нарядиться въ крестьянское платье. Схваченные препровождались въ Петербургъ

для слѣдствія и суда. Хотя большинство ихъ не знало другъ друга, ихъ объявляли тѣмъ не менѣе участниками общаго дѣла. Такъ было и на этотъ разъ. Начальство хотѣло одновременно поразить умы силою возмездія и строгостью правосудія. Правда, дѣло передано было на разбирательство не присяжныхъ, а специальной судебной коммисіи, по назначенію отъ правительства, но каждому изъ подсудимыхъ предоставлено было право имѣть своего адвоката, и процессъ долженъ былъ разбираться при открытыхъ дверяхъ.

Правительство повидимому не съумѣло дать себѣ отчета въ томъ, что въ такой странѣ, какъ Россія, при громадности разстояній и отсутствіи свободы печати, политическіе процессы являются лучшимъ орудіемъ пропаганды. Много молодыхъ людей, раздѣлявшихъ одни убѣжденія съ Вѣрой, не нашли бы въ теченіе ряда лѣтъ возможности „служить дѣлу", если бы политическіе процессы по временамъ не указывали имъ на то, гдѣ искать „настоящихъ" нигилистовъ. Какъ общее правило, подсудимые вызываютъ живую симпатію въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ. Если непосредственно съ ними нельзя имѣть сношеній, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они сидятъ за запорами и рѣшетками, то съ ихъ друзьями и родственниками сношенія вполнѣ свободны; имъ-то и спѣшатъ показать свои симпатіи. Взаимное довѣріе устанавливается между сочувствующими и тѣми, въ пользу кого высказывается сочувствіе; одинъ поддерживаетъ и возбуждаетъ другаго. Неудивительно поэтому, что послѣ каждаго политическаго процесса повторяется то, о чемъ говорится въ русскихъ былинахъ: на смѣну одного богатыря выходятъ десять.

И Вѣра испытала на себѣ это вліяніе политическихъ процессовъ. При первомъ извѣстіи о предстоящемъ судѣ она перестала думать обо всемъ другомъ. Каждый номеръ „Правительственнаго Вѣстника" сдѣлался для нее предметомъ внимательнаго изученія. Она знала наизусть не только имена подсудимыхъ, но

и ихъ адвокатовъ, и поспѣшила воспользоваться первымъ попавшимся случаемъ, чтобы завязать знакомство съ семьями обвиняемыхъ.

Такимъ образомъ открылось предъ нею то широкое поле дѣятельности, о которомъ она мечтала. Семьдесятъ пять семействъ, повергнутыхъ въ нищету и отчаяніе арестомъ близкихъ имъ людей, нуждались въ ея участіи. Она могла оказать имъ дѣятельную помощь, она могла „послужить дѣлу"; и это же давало ей возможность сразу окунуться въ среду людей близкихъ ей по чувствамъ и убѣжденіямъ. Нечего и говорить, что всецѣло занятая своими новыми друзьями, она сразу оборвала и посѣщеніе курсовъ и свиданья со мной. Если иногда она и забѣгала ко мнѣ на минуту, то только, чтобы воспользоваться моимъ содѣйствіемъ и оказать услугу дорогимъ для нея людямъ. То приходилось мнѣ устраивать подписку въ пользу той или другой изъ потерпѣвшихъ семей, то пристроить оставшагося безъ призора ребенка, то убѣдить кого-нибудь изъ выдающихся адвокатовъ взять чью-либо защиту. Словомъ Вѣра не жалѣла ни собственныхъ, ни чужихъ трудовъ.

Къ концу апрѣля слѣдствіе было кончено, и начались судебныя засѣданія.

Съ шести часовъ плотная толпа тѣснилась у входа въ судъ. Только лица, снабженныя билетами, могли проникнуть въ залъ засѣданія, остальные устраивались у входа, въ надеждѣ поскорѣе узнать о результатѣ. Въ половинѣ девятаго стали впускать публику, и мы внезапно очутились въ обширномъ залѣ межъ двухъ шпалеръ жандармовъ, которые внимательно заглядывали намъ въ лицо, какъ бы желая провѣрить наше право имѣть входные билеты.

Достаточно было бѣглаго взгляда, чтобы убѣдиться въ томъ, что публика состоитъ изъ лицъ двоякаго рода: одни пришли изъ любопытства, какъ на рѣдкое зрѣлище. Это были большею частью люди хорошаго общества, которымъ не трудно было заручиться вход-

ными билетами. Въ ихъ числѣ можно было видѣть дамъ далеко не первой молодости, одѣтыхъ въ черное, какъ этого требуетъ хорошій тонъ. Многіе держали въ рукахъ бинокли. Видимо онѣ боялись упустить малѣйшую подробность той драмы, которая должна была развернуться на ихъ глазахъ. Ихъ любопытство было такъ возбуждено, что въ жертву ему они согласились принесть и привычку поздняго вставанья и естественную боязнь всякаго соприкосновенія съ толпой. Мужчины этой группы почти всѣ имѣли видъ сановный, кто въ мундирѣ, а кто только при звѣздѣ.

Въ первыя минуты всѣ какъ бы замерли въ ожиданіи, но вскорѣ торжественная тишина была нарушена. Нашлись знакомые. Стали обмѣниваться поклонами. Любезность мужчинъ сказалась въ желаніи уступить дамамъ лучшія мѣста. Мало-по-малу завязались разговоры—сперва шопотомъ, потомъ все громче и громче. Не происходи все это раннимъ утромъ среди голыхъ стѣнъ и оконъ, на простыхъ деревянныхъ скамьяхъ, можно было бы подумать, что находишься на свѣтскомъ собраніи.

На ряду съ этой группой зрителей была и другая. Ее составляли родственники и ближайшіе друзья обвиняемыхъ. Печальныя, похудѣвшія лица, старенькое платье, мрачное, тяжелое молчаніе, взоры, устремленные со страхомъ на дверь, изъ которой должны были показаться обвиняемые, — все въ нихъ говоритъ о горестной дѣйствительности, о близости жестокой развязки.

Ровно въ десять часовъ раздается обычный возгласъ: „судъ идетъ"! Въ залъ входятъ двѣнадцать сенаторовъ, все люди преклоннаго возраста, у которыхъ на груди больше орденовъ, чѣмъ волосъ на головѣ. И все же можно примѣтить въ нихъ средѣ всѣ категоріи русскаго сановничества. Рядомъ съ надутымъ, самоувѣреннымъ, еще не закончившимъ своей карьеры государственнымъ мужемъ, бросается въ глаза и одряхлѣвшій старецъ съ повисшей губой и полу-потухшимъ

взглядомъ. Не спѣша, съ нѣкоторой торжественностью опускаются они въ кресла.

И вотъ открывается вторая боковая дверь, и на этотъ разъ въ залъ суда входятъ въ сопровожденіи жандармовъ семьдесятъ пять обвиняемыхъ. Странный видъ имѣютъ эти преступники. Изможденность ихъ лицъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ихъ молодостью. Старшему нѣтъ еще и тридцати лѣтъ, младшему едва минуло восемнадцать. Всѣ они принарядились — у всѣхъ своего рода праздничный видъ. Есть между ними и хорошенькія молодыя дѣвушки. Охватившее ихъ волненіе придаетъ глазамъ лихорадочный блескъ и покрываетъ болѣзненной краской щеки. Долгіе мѣсяцы провели эти молодые люди въ полной разобщенности съ остальнымъ міромъ. И вотъ имъ суждено внезапно встрѣтиться съ близкими, узнать своихъ въ пестрой толпѣ присутствующихъ. Неудержимая, почти дѣтская радость рисуется на ихъ лицахъ. Они повидимому забываютъ объ ужасающей серьезности наступившей минуты, о близости приговора, приговора, который на многіе, многіе годы лишитъ ихъ всякой житейской радости. Они въ эту минуту не помнятъ ничего; они только смотрятъ другъ на друга съ радостью и умиленіемъ. Несмотря на сопротивленіе жандармовъ, многимъ удается пожать протянутыя навстрѣчу руки и переброситься парою словъ. При видѣ ихъ родственники и друзья не въ силахъ овладѣть собою: они бросаются къ перегородкѣ съ радостными привѣтствіями. Я увѣрена, что никто изъ бывшихъ въ залѣ суда никогда не въ состояніи будетъ забыть этой минуты.

Даже господа изъ высшаго круга, давно потерявшіе способность къ сильнымъ ощущеніямъ, поддаются общему настроенію. Ихъ симпатіи на минуту переносятся на подсудимыхъ. Позже, когда они вернутся домой, и время принесетъ успокоеніе ихъ нервамъ, они не разъ покраснѣютъ при мысли о своемъ невольномъ увлеченіи, но въ данную минуту они не владѣютъ со-

бою, и многія изъ этихъ почтенныхъ дамъ машутъ платками при видѣ этихъ ужасныхъ нигилистовъ. Но все это длится только минуту; и жандармамъ вскорѣ удается возстановить порядокъ и вернуть подсудимыхъ на ихъ мѣста.

Разбирательство въ полномъ ходу. Прокуроръ произноситъ обвинительную рѣчь. Несмотря на важность выдвигаемыхъ въ ней фактовъ, подсудимые пропускаютъ мимо ушей его краснорѣчіе. Они глядятъ другъ на друга и пытаются передать каждый свои впечатлѣнія, если не словами, то знаками. И какъ ни велико пережитое ими горе, какъ ни страшна ожидающая ихъ участь, они въ данную минуту вполнѣ счастливы, точно побѣда осталась за ними.

Прокуроръ — человѣкъ молодой, желающій сдѣлать быструю карьеру. Краснорѣчіе его поэтому оглушительно. Болѣе двухъ часовъ рисуетъ онъ передъ судьями мрачную картину революціоннаго движенія въ Россіи. Онъ сортируетъ обвиняемыхъ по группамъ и въ каждой видитъ возможность установить новыя подраздѣленія — и все это онъ дѣлаетъ съ такою же смѣлостью и быстротою, съ какою ботаникъ классифицируетъ растенія своего гербарія по родамъ и видамъ. Противъ каждой категоріи онъ выдвигаетъ особыя обвиненія, но ядовитѣйшія стрѣлы его краснорѣчія направлены почти исключительно противъ пяти подсудимыхъ. Изъ этихъ пяти двое — женщины: одна совсѣмъ молодая дѣвушка съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, съ мечтательными сѣроголубыми глазами. Это дочь высокопоставленнаго чиновника. Товарищи называютъ ее „святой“. Другая старше по возрасту, крѣпкаго тѣлосложенія, повидимому болѣе грубой породы; ея широкое, плоское лицо совсѣмъ не красиво и носитъ отпечатокъ фанатизма и упрямства.

Изъ мужчинъ — одинъ работникъ съ интеллигентной

наружностью; другой — школьный учитель со всѣми признаками скоротечной чахотки; третій—студентъ медикъ Павленковъ, родомъ еврей. Онъ особенно вызываетъ ненависть и негодованіе прокурора.

Разъ заходитъ рѣчь о Павленковѣ, прокуроръ не можетъ сдержать своей ярости: онъ рисуетъ его настоящимъ мефистофелемъ. Прочіе подсудимые несомнѣнно всѣ—народъ очень вредный, утверждаетъ онъ. Общество обязано устранить ихъ въ интересахъ собственной безопасности, но за ними все же надо признать смягчающія обстоятельства. Какъ бы нелѣпы ни были проповѣдуемыя ими теоріи, они все же вѣрятъ въ нихъ сами; но о Павленковѣ этого сказать нельзя. Для него революціонная пропаганда только средство возвыситься самому и потопить другихъ въ грязи. Природа надѣлила его разумомъ свыше обыкновеннаго, но этимъ драгоцѣннымъ даромъ онъ воспользовался только для того, чтобы повергнуть въ бездну себя и другихъ.

Слѣдуя примѣру своихъ французскихъ собратій, прокуроръ описываетъ жизнь Павленкова, начиная съ его ранней молодости. Онъ рисуетъ его намъ самолюбивымъ мальчишкой, растущимъ въ средѣ бѣдныхъ не заслуживающихъ уваженія родителей. Имъ чужды были, утверждаетъ онъ, всякіе нравственные принципы. И не имѣя ихъ сами, они не въ состояніи были привить дѣтямъ то, безъ чего не мыслима борьба съ порочными инстинктами. Богатый еврей негоціантъ, пораженный умомъ молодаго Самуила, отдаетъ его въ школу; Самуилъ учится прилежно и съ успѣхомъ, но ученіе не развиваетъ въ немъ нравственныхъ чувствъ. Получивши аттестатъ зрѣлости, онъ поступаетъ въ Медицинскую Академію. Это былъ, очевидно, неожиданный успѣхъ для бѣднаго еврейскаго мальчишки, братья и сестры котораго въ рубищѣ и о босу ногу продолжаютъ бѣгать по улицѣ. Но вмѣсто того, чтобы благодарить бога и благодѣтеля, Павленковъ поддерживаетъ и развиваетъ въ себѣ то злобное чувство, кото-

рос вызвали въ немъ бѣдность и униженія дѣтства. Имъ постепенно овладѣваетъ неукротимая ненависть ко всему и всѣмъ, кто стоитъ выше его; свой умъ, свои способности онъ направляетъ на то, чтобы пріобрѣсти вліяніе на товарищей, вышедшихъ изъ лучшихъ, нежели онъ, семей. Въ душѣ своей онъ лелѣетъ мысль какъ бы пріобщить ихъ къ своимъ преступнымъ замысламъ.

И въ этомъ духѣ прокуроръ говоритъ безостановочно. Рѣчь свою онъ заканчиваетъ просьбой, чтобы судъ покаралъ Павленкова со всею строгостью закона. Къ такимъ преступникамъ, какъ онъ, жалости быть не можетъ.

Пока прокуроръ громилъ Павленкова, я внимательно слѣдила за лицомъ обвиняемаго. Въ извѣстномъ смыслѣ наружность его была интереснѣе всѣхъ остальныхъ. Онъ казался старше и годами, и опытомъ. Въ немъ нельзя было найти и слѣда той дѣтской наивности, какой дышали лица прочихъ обвиняемыхъ. Это былъ брюнетъ съ рѣзкими еврейскими чертами. Глаза его поражали умомъ и красотою, но горькая, саркастическая и вмѣстѣ чувственная улыбка искажала его ротъ. Его красныя толстыя губы непріятно поражали своимъ контрастомъ съ верхней частью лица, производившей тонкое впечатлѣніе. Подергиванія лицевыхъ мускуловъ и рѣзкія движенія рукъ обнаруживали его нервность. Одинъ изъ всѣхъ подсудимыхъ онъ не обнаруживалъ ни малѣйшей радости при видѣ товарищей, и никакіе влажные отъ слезъ взоры не встрѣтили его при входѣ. Павленковъ внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ прокурора и по временамъ дѣлалъ замѣтки на бумагѣ, но никакое самое гнѣвное обращеніе не выводило его изъ себя. И не будь нервныхъ подергиваній на его лицѣ, легко было бы принять его за равнодушнаго, хотя и внимательнаго зрителя, лично не заинтересованнаго въ исходѣ дѣла.

Послѣ рѣчи прокурора послѣдовалъ перерывъ въ полтора часа. И зрители, и обвиняемые, оставили залъ

суда. Сенаторы и адвокаты поспѣшили заняться завтракомъ, а публика разбрелась по сосѣднимъ ресторанамъ.

Но вотъ засѣданіе вновь открыто, и на очередь выступаютъ адвокаты. Не легкое дѣло быть защитникомъ въ политическомъ процессѣ. Правда, такой процессъ отличное средство выдвинуться впередъ, сдѣлать себѣ имя. Но зато стоитъ только адвокату обнаружить въ своей рѣчи нѣкоторый огонь и убѣжденіе, и онъ сразу попадаетъ въ категорію людей подозрительныхъ. Еще многіе помнятъ, какъ за краснорѣчивой защитой слѣдовала административная ссылка. Но къ чести адвокатскаго сословія надо сказать, что въ его средѣ всегда находились люди, достаточно великодушные, чтобы отдать себя въ распоряженіе обвиняемыхъ безъ всякой даже надежды на вознагражденіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И на этотъ разъ нашлись люди, охотно принявшіе на себя неблагодарную и отвѣтственную роль защитниковъ. Они и не думали о томъ, чтобы выгородить своихъ кліентовъ, отрицая всякое ихъ участіе въ революціонномъ движеніи. Они довольствовались тѣмъ, что рисовали въ самомъ выгодномъ свѣтѣ мотивы ихъ дѣйствій; развивали смѣлыя теоріи и нерѣдко позволяли себѣ выраженія, которыя были бы немыслимы во всякомъ иномъ процессѣ, кромѣ политическаго.

Предсѣдатель суда не разъ пробовалъ прерывать ихъ. Но всѣ усилія его были тщетны: минуту спустя они возвращались къ прежнему и высказывали мысли еще болѣе смѣлыя и рѣшительныя.

Публика все болѣе и болѣе проникалась симпатіей къ обвиняемымъ. Люди свѣтскаго круга, попавшіе сюда изъ любопытства, съ изумленіемъ прислушивались къ вещамъ, о которыхъ дотолѣ имъ ни разу не приходилось и думать: ихъ умственныя силы были такъ же мало изощрены въ этомъ направленіи, какъ способности Вѣры въ направленіи противоположномъ. Подобно тому какъ Вѣра находила соціализмъ единствен-

нымъ средствомъ къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ, такъ точно эти люди принимали на вѣру, что всѣ идеи нигилистовъ были своего рода сумашествіемъ.

Неудивительно поэтому, что, знакомясь съ краснорѣчивымъ изложеніемъ этихъ идей и видя, что эти страшные нигилисты далеко не тѣ чудовища, какихъ рисовало ихъ воображеніе, а несчастная, полная самоотверженія молодежь, новый міръ предсталъ передъ ихъ глазами, и они не знали болѣе, съ какимъ чувствомъ отнестись къ обвиняемымъ. О прежнемъ презрительномъ и саркастическомъ отношеніи не было и помину. Постепенно накопившіяся въ нихъ симпатіи грозили перейти въ энтузіазмъ. Одни судьи продолжали обнаруживать обычную невозмутимость. Краснорѣчіе адвокатовъ мало ихъ трогало. Имъ напередъ даны были инструкціи, и приговоръ ихъ можно было предсказать. По временамъ только замѣтны были въ нихъ признаки усталости и апатіи.

„Когда же настанетъ конецъ всему этому"? какъ бы бормотали ихъ уста.

Наступаетъ вечеръ. Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе. Въ ближайшее утро возобновляются дебаты и снова до ночи.

И такъ со дня на день въ теченіе цѣлой недѣли. Интересъ публики не только не падаетъ, но наоборотъ замѣтно растетъ.

Въ числѣ самыхъ блестящихъ защитъ надо поставить рѣчь Павленкова. Правда, и ему не отказано было въ адвокатѣ, но, не довольствуясь его помощью, Павленковъ рѣшилъ воспользоваться правомъ самозащиты. Въ техническомъ отношеніи рѣчь его была несравненно ниже тѣхъ, которыя произнесены были раньше. Но что дало ей особенную силу и значеніе, это простота и безъискуственность. Онъ кончилъ ее слѣдующими словами:

„Господинъ прокуроръ сказалъ вамъ, что я бѣдный, нищій еврей, и онъ сказалъ вамъ правду; но потому именно, что мнѣ извѣстна бѣдность, что я вышелъ изъ

рядовъ презираемой націи, я и сочувствую всѣмъ тѣмъ, кто страдаетъ и борется. Когда я увидѣлъ, что не въ силахъ сдѣлать что-либо обыкновенными средствами, я рѣшился прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ, не задаваясь мыслью о томъ, легальны они или не легальны. Но господинъ прокуроръ говоритъ вамъ, что въ виду моего убожества меня и слѣдуетъ наказать строже другихъ; пусть будетъ такъ, пусть сдѣлаютъ со мною все, чего онъ хочетъ. Я не буду искать вашего сострадания, такъ какъ принадлежу къ народу, который привыкъ страдать и терпѣть".

По окончаніи преній судьи удалились для постановки рѣшенія, но публика оставалась въ залѣ. Часа два спустя они вернулись къ своимъ мѣстамъ, и председатель тихо и торжественно приступилъ къ чтенію приговора. Оно длилось около часу. Большинству подсудимыхъ назначена была ссылка на поселеніе въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи.

Одни упомянутые пять преступниковъ присуждены были къ каторгѣ срокомъ отъ пяти до двадцати лѣтъ. Павленкову, какъ и можно было ожидать, назначена была высшая мѣра наказанія.

Въ правительственныхъ сферахъ приговоръ этотъ единогласно былъ признанъ снисходительнымъ. Всѣ ожидали болѣе суроваго рѣшенія.

Но не такъ думала собравшаяся въ залѣ публика. Онъ палъ на нее, какъ грубый, ошеломляющій ударъ. Въ теченіе недѣли она жила одною жизнью съ обвиняемыми, она узнала каждаго изъ нихъ лично, проникла въ сокровеннѣйшія стороны его прошлаго. Трудно было ей поэтому отнестись равнодушно къ ихъ судьбѣ. Трудно было ей стать на ту точку зрѣнія, на какую такъ часто становится читатель, узнающій, что какая-то неотвратимая бѣда обрушилась на плечи неизвѣстнаго ему лица.

Едва кончено было чтеніе, въ залѣ воцарилась мертвенная тишина, изрѣдка прерываемая рыданіями.

Взгляды мои невольно устремились на Вѣру. Она

стояла, держась за перила, блѣдная, какъ полотно, съ широко раскрытыми глазами, съ тѣмъ недоумѣвающимъ, почти экстатическимъ выраженіемъ, какое встрѣчаешь на лицахъ мучениковъ.

Толпа стала расходиться медленно и безмолвно.

На дворѣ играла весна; вода стекала по крышамъ и спускалась вдоль тротуаровъ быстрыми ручейками. На смѣну міазмамъ врывался въ грудь чистый, свѣжій воздухъ. Все пережитое за эти дни казалось не болѣе, какъ кошмаромъ. Трудно было вѣрить въ дѣйствительность всего случившагося. Какъ въ туманѣ рисовались облики этихъ двѣнадцати безсильныхъ старцевъ, давно испытавшихъ всѣ радости жизни, теперь съ спокойствіемъ и довольствомъ произнесшихъ приговоръ, которымъ подкошено было въ корнѣ счастье и радость семидесяти пяти молодыхъ существъ. Это не могло не показаться всякому горькой иронiей.

X

Прошло нѣсколько недѣль. Вѣра не показывалась и ничѣмъ не напоминала о себѣ. Я съ своей стороны собиралась навѣстить ее, но какъ-то все былъ недосугъ.

Однажды въ концѣ мая, — были у меня въ этотъ день гости за обѣдомъ и мы только что встали изъ-за стола, — вдругъ открывается дверь гостиной и входитъ Вѣра. Только, боже мой! Какъ она измѣнилась! Я такъ и ахнула. Всю зиму проходила она въ какомъ-то черномъ безформенномъ балахонѣ, въ монашескомъ подрясникѣ, какъ въ шутку называла я ея костюмъ, а сегодня внезапно явилась она въ свѣтло-голубомъ лѣтнемъ платьи, сшитомъ по модѣ и подпоясанномъ серебрянымъ кавказскимъ кушакомъ. Платье это удивительно шло къ ней и она казалась въ немъ помолодѣвшей лѣтъ на шесть. Но не въ платьи было все дѣло. Видъ у Вѣры былъ сіяющій, побѣдоносный; на щекахъ игралъ румянецъ, темно-синіе глаза такъ и искрились, такъ и метали огоньки. Знала я прежде, что Вѣра хороша собой, но что она такая красавица, — не подозрѣвала я доселѣ.

Большинство моихъ гостей видѣло ее впервые. Входъ

Вѣры въ гостиную вызвалъ настоящую сенсацію. Не одни мужчины, но и дамы были поражены ея красотой и не успѣла она присѣсть, какъ ее окружили со всѣхъ сторонъ.

Прежде, когда Вѣрѣ случалось зайти ко мнѣ невзначай и встрѣтить у меня кого-нибудь посторонняго, она тотчасъ пряталась въ уголъ и слова отъ нея нельзя было добиться. Дикарка по природѣ, она инстинктивно сторонилась всякаго новаго человѣка, особенно, если подозрѣвала, что не встрѣтитъ въ немъ сочувствія къ своимъ идеямъ. Но сегодня было совсѣмъ не то. Вѣра находилась въ какомъ-то милостивомъ, любовномъ настроеніи; ко всѣмъ относилась привѣтливо и благосклонно. Казалось, что какая-то великая радость ключемъ кипитъ въ ней и такъ переполняетъ ея существо, что изливается сама собою на все окружающее.

Прежде для Вѣры не было ничего непріятнѣе комплиментовъ, но сегодня она и ихъ выслушивала спокойно, съ нѣсколько высокомѣрной граціей, отшучиваясь отъ нихъ весело, бойко и такъ мѣтко, что я только дивилась, смотря на нее. Откуда берется у нея все это? И свѣтскость, и остроуміе, и кокетство! Вотъ оно, что значитъ кровь! Думаешь, нигилистка, нигилистка, а тутъ глянь—свѣтская барышня!

Это необычайное зрѣлище продолжалось однако не долго. Оживленіе Вѣры вдругъ словно оборвалось. Говорливость ея исчезла, въ глазахъ появилось скучающее, презрительное выраженіе.

„Скоро ли уйдутъ твои гости? Мнѣ надо поговорить съ тобой о серьезномъ“, шепнула она мнѣ на ухо.

Гости, по счастью, стали расходиться.

„Что съ тобой Вѣра? Я не узнаю тебя“! спросила я ее, едва мы остались однѣ.

Вмѣсто отвѣта, Вѣра указала мнѣ на четвертый палецъ своей лѣвой руки, на которомъ я теперь только, къ крайнему изумленію, примѣтила гладкое золотое кольцо.

„Вѣра, ты выходишь замужъ“? воскликнула я съ изумленіемъ.

„Уже вышла! Сегодня въ часъ пополудни была моя свадьба“.

„Вѣра, да какъ же это? Гдѣ же твой мужъ?“ спросила я растерянно.

Лицо Вѣры внезапно озарилось. Блаженная, восторженная улыбка заиграла на губахъ. „Мой мужъ въ крѣпости. Я вышла замужъ за Павленкова“.

„Что ты? Вѣдь ты же прежде не знала его! Гдѣ же вы успѣли познакомиться“?

„Мы и не знакомились вовсе. Я видѣла его издали на процессѣ, а сегодня за четверть часа до свадьбы мы въ первый разъ обмѣнялись нѣсколькими словами“.

„Такъ какъ же это, Вѣра? Что же это значитъ“? спросила я, не понимая. „Влюбилась ты въ него, что ли, съ перваго взгляда, какъ Юлія въ Ромео; ужъ не въ то ли время, когда прокуроръ разносилъ его на судѣ“!

„Не говори пустяковъ, строго перебила меня Вѣра, о какомъ-нибудь влюбленіи нѣтъ тутъ рѣчи, ни съ той стороны, ни съ другой. Я просто вышла за него замужъ, потому что *должна* была выйти, потому что это было единственнымъ средствомъ спасти его“!

Я молча, вопросительно глядѣла на Вѣру.

Она усѣлась въ углу дивана и стала разсказывать не торопясь и не волнуясь, словно рѣчь шла о вещахъ совершенно простыхъ и обыденныхъ.

„Вотъ видишь ли, послѣ суда я имѣла долгій разговоръ съ адвокатами. Они всѣ были того мнѣнія, что дѣла остальныхъ подсудимыхъ, кромѣ Павленкова, далеко не плохи. Школьный учитель, конечно, умретъ мѣсяца черезъ два или три, но вѣдь онъ во всякомъ случаѣ не протянулъ бы долго, такъ какъ у него злая чахотка. Другихъ же всѣхъ пошлютъ въ Сибирь. Можно надѣяться, что каждый, отбывши срокъ ссылки, вернется въ Россію и опять примется за дѣло. Не то ожидало Павленкова. Ему дѣйствительно приходилось плохо, такъ плохо, что почти лучше было бы если бы

его приговорили къ разстрѣлянію или висѣлицѣ. По крайней мѣрѣ разомъ былъ бы всему конецъ. А то мучайся цѣлыхъ двадцать лѣтъ въ каторгѣ"!

„Ну что жъ, Вѣра, мало ли кого приговариваютъ къ каторгѣ"! замѣтила я несмѣло.

„Да, но видишь ли, каторга-то бываетъ разная. Былъ бы онъ простымъ преступникомъ, не политическимъ, не постарайся прокуроръ расписать его на славу, ну тогда другое дѣло! Послали бы его въ Сибирь, и было бы въ этомъ лишь полъ-бѣды. Въ Сибири тоже вѣдь люди живутъ. Да и „политическихъ" теперь тамъ такъ много, что они — въ своемъ родѣ сила; съ ними и начальство принуждено бываетъ считаться. Теперь, если кого въ Сибирь пошлютъ, — онъ почти что и не горюетъ, — знаетъ, хоть и тяжко тамъ будетъ, все когда-когда приведется и со своимъ братомъ единомышленникомъ встрѣтиться. Все не совсѣмъ еще отрѣзанный ломоть; надежда не покидаетъ. Ну, если кто очень въ Сибири стоскуется, при счастьи вѣдь и бѣжать можно; не мало вѣдь бѣгало изъ Сибири. У правительства есть острастка похуже ссылки. Для политическихъ преступниковъ, преступниковъ высшаго разряда, для самыхъ опасныхъ существуетъ Алексѣевскій равелинъ въ Петропавловкѣ. Съ кѣмъ правительство хочетъ въ конецъ порѣшить, того оно посылаетъ отбывать каторгу не въ Сибирь, а въ эту дьявольскую яму. Лежитъ она въ самомъ Петербургѣ на виду, такъ сказать, у высшаго начальства. О попущеніяхъ и послабленіяхъ и рѣчи тамъ быть не можетъ. Одиночная система во всей ея строгости. Кто разъ попалъ туда,—все равно, что заживо похороненъ. Ни съ другими заключенными видѣться, ни писемъ отъ друзей получать, ни самому имъ вѣстей давать о себѣ не позволено. Исключенъ человѣкъ изъ списка живыхъ—и все тутъ. Наше правительство, конечно, не очень церемонится, ну а все же больно ужъ часто смертные приговоры подписывать и ему зазорно; что за границей скажутъ? Ну вотъ и придумали этотъ Алексѣевскій равелинъ. Звучитъ оно лучше висѣлицы, а въ результатѣ то же.

Сколькихъ политическихъ ужъ туда засадили, а и до сихъ поръ не слыхать, чтобъ хоть одинъ оттуда вышелъ. Обыкновенно проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, много годъ-два, и извѣщаютъ родныхъ, что такой-то или такая-то благополучно преставились, сошли съ ума, или порѣшили съ собой. Больше трехъ лѣтъ заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ, говорятъ, еще никто не вынесъ. И въ эту-то яму проклятую предстояло попасть Павленкову".

Вѣра остановилась вся блѣдная отъ волненія. Голосъ ея дрожалъ и на длинныхъ рѣсницахъ нависли слезы.

„Но какъ же ты-то могла спасти его"? спросила я съ нетерпѣніемъ.

„Погоди, узнаешь сейчасъ—продолжала Вѣра, успокоившись нѣсколько.—Какъ услышала я, какая судьба предстоитъ Павленкову, такъ мнѣ его жаль стало, что и сказать нельзя. Днемъ ли, ночью изъ мыслей онъ у меня не выходитъ. Пошла я къ его адвокату, спрашиваю: неужто ужъ такъ ничего и придумать нельзя"? „Ничего — говоритъ адвокатъ. — Будь онъ еще женатъ — тогда другое дѣло, была бы еще надежда! Вѣдь у насъ по закону жена, если захочетъ, имѣетъ право слѣдовать за мужемъ въ каторгу. Ну вотъ, будь у Павленкова жена, она могла бы подать прошеніе государю, заявляя о своемъ желаніи слѣдовать за нимъ въ Сибирь, и государь, можетъ быть, смилостивился бы, не захотѣлъ бы лишить ее законнаго права, но на бѣду Павленковъ холостъ"...

„Ты понимаешь—продолжала Вѣра, опять впадая въ дѣловой спокойный тонъ—какъ услышала я эти слова, тотчасъ же мнѣ стало ясно, — что̀ теперь надо дѣлать. Надо просить государя о позволеніи повѣнчаться съ Павленковымъ".

„Но Вѣра! воскликнула я, неужели ты не подумала о томъ, что̀ для тебя самой будетъ значить такой шагъ! Ты вѣдь не знаешь, что за человѣкъ Павленковъ, и стоитъ ли онъ такой жертвы".

Вѣра взглянула на меня строгимъ, изумленнымъ взгля-

домъ. „И ты это серьезно говоришь?—спросила она.— Неужели ты сама не понимаешь, что если бы я не сдѣлала всего, рѣшительно всего, что было въ моей власти, я бы тоже стала участницей его гибели. Скажи мнѣ по совѣсти, если бы ты не была еще замужемъ, неужели ты не сдѣлала бы того же"?

„Нѣтъ, Вѣра, право не думаю, чтобы рѣшилась", отвѣтила я чистосердечно.

Вѣра поглядѣла на меня пристально.

„Жаль мнѣ тебя! — проговорила она въ отвѣтъ и продолжала. — Во всякомъ случаѣ, мнѣ было ясно, что мой долгъ — выйти за него замужъ. Но какъ получить на это разрѣшеніе? Вотъ въ чемъ была загвоздка. Когда я сообщила адвокату о моемъ рѣшеніи, онъ воскликнулъ въ первую минуту, что объ этомъ и думать нечего — никогда не позволятъ. Я и сама не знала, какъ приняться за дѣло, но вдругъ вспомнилось мнѣ, что есть одинъ человѣкъ, который можетъ помочь мнѣ. Слышала ты о графѣ Раловѣ"?

„О бывшемъ министрѣ, кто же о немъ не слыхалъ! Говорятъ, онъ и теперь, хотя удалился отъ дѣлъ, все еще — близкое лицо къ государю! Но какія же у тебя съ нимъ могутъ быть связи"?

„Видишь ли, онъ намъ приходится дальнимъ родственникомъ, но этого мало; главное: онъ когда-то былъ влюбленъ въ мою мать, да, кажется, не на шутку. И меня, дѣвочку, сколько разъ, бывало, на рукахъ нянчилъ и конфетъ возилъ. Само собой разумѣется, что до сихъ поръ мнѣ и въ голову не входило напомнить ему о моемъ существованіи. Чего мнѣ искать у такихъ людей, какъ онъ! Ну а теперь я тотчасъ сообразила, что онъ можетъ мнѣ быть полезенъ. Я и написала ему письмо, прося аудіенціи. Онъ отвѣтилъ не медля, и назначилъ мнѣ часъ, когда я могу явиться".

„Ну, Вѣра, разскажи скорѣй, какъ обошлось у васъ дѣло?—спросила я съ любопытствомъ.—Вотъ-то, воображаю, огорошила ты старика; порадовался онъ на свою прежнюю любимицу". Мнѣ вспомнилось все, что я слышала о старомъ графѣ, какъ онъ весь теперь

ушелъ въ набожность и проводитъ дни въ постѣ и молитвѣ.

Мудреное, должно быть, было свиданіе между нимъ и Вѣрой. И при этой мысли я невольно разсмѣялась.

„Нечего смѣяться, ничего нѣтъ смѣшнаго — сказала обиженнымъ тономъ Вѣра.—Вотъ ты послушай только, какая я подчасъ бываю умница, какія блестящія мысли приходятъ иногда мнѣ въ голову,— продолжала она весело.—Ты воображаешь, пожалуй, что я къ нему нигилисткой явилась! Ничуть не бывало! Знаю вѣдь я, что всѣ эти старые грѣшники, хотя и постничаютъ на закатѣ дней, а хорошенькія личики все же страсть какъ любятъ. Какъ увидятъ смазливую рожицу, такъ сейчасъ и растаютъ — въ умиленіе придутъ, ни въ чемъ ей отказать не могутъ. Вотъ я и принарядилась, идя къ нему; поэтому собственно случаю и платье заказала,—Вѣра самодовольно указала на свой нарядъ,— а ужъ видъ какой скромный приняла, подумаешь, водой не замутитъ.

„Назначилъ мнѣ графъ свиданіе въ девять часовъ утра. Пришла я къ нему. Ну ужъ скажу тебѣ, живутъ же эти вельможи! Для схимника, для смиренника, который грѣхи свои отмаливать хочетъ, въ такихъ палатахъ жить бы не полагалось! У входа встрѣтилъ меня швейцаръ съ булавой, такой грозный на видъ, самъ на вельможу похожъ. Сначала и пускать меня не хотѣлъ; показала я ему письмо графа; тогда ударилъ онъ въ мѣдную доску на стѣнѣ; въ ту же минуту, словно изъ-подъ земли, выросъ какой-то гайдукъ, рослый, весь въ галунахъ и повелъ меня вверхъ по мраморной лѣстницѣ, уставленной цвѣтами; на верху встрѣтилъ насъ другой гайдукъ, тоже рослый, провелъ меня черезъ нѣсколько залъ и передалъ на руки новому лакею въ ливреѣ. Водили меня, водили изъ зала въ залъ и изъ гостиной въ гостиную. Всюду паркеты узорные изъ разноцвѣтнаго дерева, блестятъ, какъ стекло, и такіе скользкіе, что того и гляди растянешься. Потолки расписные, на стѣнахъ зеркала въ раззолоченныхъ рамахъ, мебель штофная съ позолотой. И всюду

пусто,—ни души. А лакей такой важный, идетъ молча, слова не проронитъ.... Подвели меня наконецъ къ самому графскому кабинету; принялъ насъ тутъ графскій камердинеръ. Другіе лакеи, что прежде меня водили, всѣ были рослые и въ расшитыхъ золотомъ ливреяхъ, а этотъ—маленькій старичокъ, мизерный на видъ, въ простомъ сюртукѣ, даже какъ будто поношенномъ, а лицо умное, хитрое — совсѣмъ дипломатъ. Оглядѣлъ онъ меня пристально, съ ногъ до головы, точно въ самую душу мнѣ впиться хотѣлъ, потомъ, не торопясь, проговорилъ: „Вы здѣсь, сударыня, обождите. Ихъ сіятельство графъ только что встали, богу молиться изволятъ".

„Оставили меня одну въ кабинетѣ. Комната огромная, съ одного конца, кажется, и не разглядить хорошенько, что дѣлается на другомъ. Только тутъ ужъ ни зеркалъ, ни позолоты не видно; мебель простая дубовая, всюду темныя портьеры и гардины, даже окна полузавѣшены, такъ что въ комнатѣ царитъ полумракъ. Одинъ уголъ весь занятъ огромнымъ кіотомъ, передъ которымъ теплятся нѣсколько лампадъ.

„Сижу я тутъ, сижу. Страшно тянется время. Графа все нѣтъ! Нетерпѣніе наконецъ разобрало. Стала я прислушиваться. Изъ-за одной портьеры слышу — точно бормотаніе какое-то несвязное доносится. Вотъ приподняла я тихонько уголъ—вижу—другая комната вся чернымъ сукномъ обита, на католическую молельню похожа; всюду образа, распятія и лампадки; стоитъ тамъ въ углу маленькій, тщедушный старикашка, на мумію похожъ, шепчетъ что-то, крестится поминутно и поклоны земные кладетъ, а два громадныхъ лакея съ обѣихъ сторонъ его поддерживаютъ и, словно куклу на пружинахъ, то опускаютъ на колѣни, то снова на ноги становятъ. . . . А одинъ изъ нихъ при этомъ еще громко считаетъ, чтобы не потерять изъ виду, сколько земныхъ поклоновъ ихъ сіятельство сегодня положить изволили.

„Такъ мнѣ смѣшно стало глядѣть на нихъ, что и робость моя прошла. Только какъ сосчиталъ лакей до-

сорока, на сегодня, значитъ, довольно, и графа отвели отъ иконостаса. Я едва успѣла опустить портьеру и принять скромный видъ,—ихъ сіятельство уже передо мною.

„Какъ увидали они меня, тотчасъ воскликнули: „Господи, да вѣдь это Алина (мать мою такъ звали), вылитая Алина“ и прослезились даже. Сталъ это онъ меня благословлять и крестить, а я ему руки цѣлую и тоже слезинку изъ глазъ выжать стараюсь.

„Сталъ мой старикъ старое припоминать, душой умиляться; а я, не будь дура, все подъ его тонъ поддѣлываюсь; о дѣлѣ—ни слова, а все ему разныя сказки разсказываю какъ мать моя постоянно его вспоминаетъ, молится и сны о немъ разные видитъ. И откуда это у меня все въ ту минуту бралось — сама теперь не постигаю, право!

„Размякъ его сіятельство совсѣмъ, точно котъ старый, которому за ухомъ щекочутъ. Сталъ онъ мнѣ всякія блага сулить; планы разные на мой счетъ строить. Ужъ онъ чуть ли не ко двору меня представлять задумалъ. Да была, знаешь ли, минута, когда онъ на мѣсто дочери родной меня принять готовъ былъ—благо же у него своей семьи нѣтъ — и жена, и дѣти всѣ померли.

„Только вижу я, настала, значитъ, самая настоящая минута. Я вдругъ въ слезы и говорю ему: люблю я одного человѣка, и, если не удастся мнѣ за него замужъ выйти, то ничего мнѣ другаго на свѣтѣ не надо“.

„Ну чтожъ, какъ же графъ принялъ это признаніе“? спросила я смѣясь.

„Ничего, сперва отнесся сочувственно; сталъ меня утѣшать, чтобы я не плакала, обѣщалъ за меня постараться; только какъ узналъ онъ, — за кого я замужъ обираюсь—тутъ другая пошла исторія! Разсвирѣпѣлъ старикъ, слышать ничего не хочетъ. Совсѣмъ перемѣнилъ тонъ, съ *ты* вдругъ на *вы* перешелъ. Ужъ не зоветъ меня ни дитяткомъ, ни ангелочкомъ, а все сударыней величаетъ. „Если, говоритъ, сударыня, дѣвицѣ приличной случится недостойнаго полюбить, то

родственникамъ ея остается только одно: бога молить, чтобы онъ разумъ ея просвѣтилъ". Ну вижу я, плохо дѣло, совсѣмъ уже было отчаялась".

Вѣра вдругъ оборвала свой разсказъ и замялась.

„Ну что же Вѣра, что случилось? Доскажи пожалуйста", приставала я.

Вѣра покраснѣла.

„Видишь ли, я право и сама теперь не помню, какъ все это было, и что я ему собственно сказала,—только, — только онъ вдругъ понялъ такъ, что мнѣ *нужно* непремѣнно выйти замужъ за Павленкова, чтобы грѣхъ покрыть и честь мою спасти.

„Ахъ Вѣра! И не стыдно тебѣ было бѣднаго старика такъ морочить"! воскликнула я укоризненно.

Вѣра поглядѣла на меня съ удивленіемъ.

„Бѣднаго старика морочить, — передразнила она насмѣшливо. — Есть чего стыдиться тоже. А ему небось не стыдно! При его-то положеніи и вліяніи на государя, сколько бы онъ могъ сдѣлать добра, пользы принесть. А онъ что? Колотится лбомъ о землю въ надеждѣ, авось и на небесахъ отведутъ ему такое же тепленькое мѣстечко, какъ и здѣсь на землѣ. А о другихъ ему и заботы мало. Ко мнѣ онъ любовно отнесся, такъ почему? Потому что рожица моя ему по вкусу пришлась; старые грѣхи ему напомнила, кровь его старую расшевелила. Очень его за это благодарить стóитъ. А къ остальной-то молодежи, которая гибнетъ, которую въ Сибири гноятъ, хорошо онъ относится? Нечего сказать! Самъ небось на своемъ вѣку сколько приговоровъ подписалъ!... Стала бы я его обманывать, если бы съ нимъ было возможно говорить по человѣчески. Но вѣдь этого нельзя. Попробуй-ка я прійти и сказать ему просто — спасите Павленкова. Онъ бы отвѣтилъ: „не мѣшайтесь не въ свое дѣло, сударыня", вотъ и весь бы былъ сказъ. Ну какъ тутъ не обманывать".

Вѣра расходилась и вся раскраснѣлась отъ волненія.

„Ну продолжай, продолжай пожалуйста, торопила я ее. Дальше какъ было"?

„Да такъ. Въ началѣ онъ страхъ какъ разсердился; зашагалъ по комнатѣ и по привычкѣ всѣхъ стариковъ, когда они взволнуются, сталъ бормотать себѣ подъ носъ, да такъ громко, что я могла разслышать: „Несчастная дѣвчонка! Забыться до такой степени! Изъ такой прекрасной семьи! Не стоитъ она того, чтобъ изъ-за нее хлопотать, а изъ-за матери придется таки спасти ее негодную. Надо будетъ какъ-нибудь грѣхъ покрыть, чтобы пятна на всю семью не наложить“...

„Ходитъ онъ такъ по комнатѣ, все бормочетъ. А я слушаю, и смѣхъ меня беретъ, а видъ приходится имѣть такой сокрушенный. Сижу, опустивъ руки, глазъ поднять не смѣю—ну словомъ Гретхенъ—и только.

„Наконецъ остановился онъ это передо мной и говоритъ строго такъ и внушительно.

„Садись, Вѣра, и пиши сейчасъ государю, что припадаешь къ его стопамъ и просишь разрѣшить тебѣ выйти замужъ за твоего негоднаго обольстителя. Я берусь передать твое прошеніе и устроить все такъ, чтобы не было огласки“.

„Стала я благодарить старика, но онъ меня отстранилъ“.

„Не для тебя, говоритъ, дѣлаю, а для твоей матери“.

„Сѣла я писать подъ его диктовку, но тутъ смотрю, опять выходитъ загвоздка. Диктуетъ онъ мнѣ прошеніе, а о Сибири въ немъ ни слова не упоминаетъ. А какъ же, спрашиваю я, Сибирь? Вѣдь я въ Сибирь за мужемъ пойду. Старикъ мой даже разсмѣялся. „Ну, говоритъ, этого съ тебя не потребуютъ; грѣхъ будетъ покрытъ, а потомъ живи себѣ гдѣ хочешь честной вдовушкой въ нѣкоторомъ родѣ“.

„Ну ужъ испугалась же я, скажу тебѣ, какъ эти слова услыхала! Что тутъ дѣлать? Слишкомъ на Сибири настаивать боюсь, неравно ему это подозрительнымъ покажется и начнетъ онъ догадываться въ чемъ дѣло. Не знаю просто, какъ и быть. Только вдругъ точно осѣнило меня. Говорю ему, что отъ раскаянія молъ хочу подвигъ этотъ на себя принять, за мужемъ

въ Сибирь пойти, чтобы этимъ грѣхъ свой искупить. Ну это старикъ мой понялъ, это въ его было духѣ.

„Растрогался онъ; сказалъ, что препятствовать мнѣ не станетъ. „Божье это, говоритъ, дѣло“! Благословилъ меня даже отпуская, образокъ со стѣны снялъ, мнѣ на шею повѣсилъ“.

„Ну а дальше, дальше что же было“? спрашивала я.

„Дальше уже все, такъ сказать, само собой устроилось. Вернулась я домой, никому ни слова о томъ гдѣ была не говорю. Только не проходитъ недѣли, какъ прибѣгаетъ ко мнѣ моя квартирная хозяйка, вся красная, запыхавшись, подаетъ мнѣ карточку, а сама чуть можетъ говорить отъ волненія: „Къ вамъ генералъ пріѣхалъ, важный такой; прислалъ на верхъ ливрейнаго лакея спросить, дома ли барышня, очень нужно ихъ видѣть; а самъ внизу въ коляскѣ сидитъ, дожидается“.

„Смотрю я, на карточкѣ стоитъ — Son excelence le prince Gelobitzky, а внизу карандашомъ приписано: de la part du Comte Ralof; ну я сейчасъ догадалась, по какому онъ дѣлу пріѣхалъ. Проси, говорю. Хозяйка моя совсѣмъ растерялась. „Ахъ батюшки, свѣты! Какъ тутъ быть! Генералъ такой деликатный! А у насъ не прибрано! Да какъ на бѣду еще щи сегодня къ обѣду варимъ; по всему дому духъ капустный идетъ, такъ что упаси боже“! „Ну, говорю, ничего! Будетъ генералъ знать, что мы щи ѣдимъ. Проси, все равно“.

„Вотъ слышу я, подымается генералъ по лѣстницѣ, а она у насъ и темная, и узенькая, и старенькая, такъ и скрипитъ подъ нимъ; поминутно онъ саблей за перила цѣпляетъ. Ребятишки, какіе были въ домѣ, всѣ повыскочили; подойти близко не смѣютъ, а стоятъ, засунули пальцы, кто въ ротъ, кто въ носъ, и смотрятъ на него, какъ на звѣря дикаго.

„Вотъ вошелъ ко мнѣ генералъ; не старый еще, такъ среднихъ лѣтъ, щеголеватый; усы длинные съ просѣдью, стоятъ прямо, видно напомажены; духами отъ него такъ и разитъ. Отродясь, я думаю, не приходилось ему въ такой обстановкѣ быть, только, какъ

свѣтскій человѣкъ, онъ и виду не даетъ, что ему это не въ привычку. Хозяйка заторопилась, подставила ему кресло деревянное съ обитой ручкой. Онъ—ничего, какъ будто и не замѣтилъ, сѣлъ такъ развязно, какъ въ любой великосвѣтской гостиной, каску на колѣни поставилъ, ногу впередъ вытянулъ, обращается ко мнѣ съ любезной улыбкой и говоритъ: „C'est bien à la princesse Vera Barantzof, que j'ai l'honneur de parler?“ Да, говорю, я, она самая и есть. Махнулъ онъ хозяйкѣ рукой, чтобы она насъ однихъ оставила, нагнулся ко мнѣ, принялъ конфиденціальный видъ и говоритъ, что прислалъ его ко мнѣ самъ государь узнать, правда ли, что я желаю за политическаго преступника Павленкова замужъ идти и за нимъ въ Сибирь слѣдовать?—Правда! отвѣчаю я.

„Вотъ и началъ онъ меня урезонивать. Какъ это можно такой молодой, прекрасной дѣвицѣ, красавицѣ такой, губить себя! Да подумала ли я о томъ, что дѣлаю! Я, русская дворянка, выйти замужъ за жида-перекреста, за государственнаго преступника! У дѣтей моихъ не будетъ ни имени, ни званія! Сами же они меня попрекнутъ, когда выростутъ!

„Обо всемъ этомъ я уже думала и передумала, говорю я, а все же рѣшенія своего не мѣняю“.

„Видитъ генералъ, что я на своемъ стою. Скорчилъ онъ лицо такое доброе, отеческое, глазъ даже одинъ прищурилъ, нагнулся ко мнѣ, взялъ меня за руки и заговорилъ шепотомъ. „Я, говоритъ, человѣкъ не молодой. У самого дѣти есть. Я съ вами, какъ съ дочерью родной, говорить буду. Мало ли чего съ дѣвицами молодыми не бываетъ! Не вы первая, не вы и послѣдняя! Изъ-за необдуманнаго шага губить свою жизнь не стоитъ. Государь милостивъ, и графъ къ вамъ расположенъ: много для васъ сдѣлать готовъ. Если и былъ грѣхъ, его иначе покрыть можно, мы вамъ и другаго жениха пріищемъ“!

„А я все дѣлаю видъ, что ничего не понимаю, только свое твержу: хочу за Павленкова замужъ идти, хочу за нимъ въ Сибирь слѣдовать.

„Видитъ генералъ, что ничего не подѣлаешь. Всталъ, раскланялся и ушелъ; а я — къ адвокату Павленкова, разсказала ему все дѣло и говорю: ступайте скорѣй къ вашему кліенту, сообщите ему, какой мы планъ выдумали для его спасенія.

„Черезъ нѣсколько дней пришла и бумаго, что разрѣшается мнѣ, графинѣ Баранцовой, вступить въ законный бракъ съ государственнымъ преступникомъ евреемъ Павленковымъ, послѣ того какъ онъ отъ еврейства откажется и перейдетъ въ православную религію; а вѣнчать насъ будутъ въ тюремной церкви“.

Вѣра замолчала и задумалась. Нѣсколько минутъ мы просидѣли, не говоря ни слова.

„Вѣра! проговорила я наконецъ печально, теперь уже дѣло сдѣлано и тужить о немъ поздно. Ты, очертя голову, бросилась въ омутъ. Но скажи ты мнѣ, на милость, какъ же ты передъ свадьбой ни разу не зашла ко мнѣ, не сказала ни слова о томъ, что затѣваешь! А вѣдь мы съ тобой друзьями считаемся“.

Вѣра обняла меня и засмѣялась.

„Вотъ еще чего захотѣла! проговорила она весело. Да развѣ слыхано когда, чтобы люди иначе, какъ очертя голову, въ омутъ бросались! Какъ же по твоему? Когда человѣкъ задумаетъ вѣшаться, такъ прежде чѣмъ голову въ петлю сунуть, ему слѣдуетъ всѣхъ друзей обойти, благословенія у нихъ попросить“?

„Такъ значитъ ты сознаешься, что бросилась въ омутъ“? спросила я тихо.

„Видишь ли, проговорила Вѣра, подумавъ немного, я не стану передъ тобой рисоваться, роль разыгрывать. Я скажу тебѣ откровенно: въ ту минуту, когда пришла эта бумага, и я узнала, что всѣ препятствія устранены, добилась я своего, значитъ,—мнѣ бы радоваться слѣдовало, не правда ли,—а у меня вдругъ на сердцѣ кошки заскребли. И вотъ — такъ-то всю недѣлю, что еще до свадьбы оставалась! Ужъ я себѣ и работу всякую, и дѣла всякія придумывала, только чтобы въ движеніи постоянно быть, — не думать ни о чемъ. Ну еще днемъ, пока я на людяхъ, ничего было,

молодцемъ ходила: а какъ ночь придетъ и останусь я одна — ну тутъ просто бѣда, начнетъ сердце ныть, и стану я труса праздновать.

„Вотъ сегодня прихожу я въ тюрьму. Впустили меня. Тяжелая желѣзомъ окованная дверь захлопнулась за мной съ шумомъ. На улицѣ было тепло, солнце играло! а тутъ вдругъ темнота меня охватила, сыростью пахнуло. Жутко стало на сердцѣ. Подумалось мнѣ, что и счастье, и свободу, и молодость—все я за дверью этой оставила. Въ ушахъ у меня даже зашумѣло и почудилось мнѣ вдругъ, что суютъ меня въ какой-то мѣшокъ, черный и бездонный.

„Показала я, кому слѣдуетъ, бумагу. Повели меня какими-то корридорами, длинными, безконечными. Два жандарма шли со мной, одинъ спереди, другой сзади. Изъ боковыхъ дверей постоянно высовывались какія то фигуры въ мундирахъ и оглядывали меня съ ногъ до головы съ наглымъ любопытствомъ. Должно быть, весь тюремный персоналъ провѣдалъ о предстоящемъ вѣнчаньи, и каждому хотѣлось поглядѣть на невѣсту. Они не стѣсняясь, вслухъ дѣлали разныя замѣчанія на мой счетъ. Я слышала, какъ одинъ офицеръ громко сказалъ другому. „Ces sacrés nihilistes ne sont pas dégoutés ma foi! C'est vraiment dommage d'accoupler un beau brin de fillette comme ça à un brigand de forçat. Passe encore, si l'on avait le droit du seigneur"!

„Товарищъ отвѣтилъ что-то такое, чего я не поняла, должно быть, непристойность какую-то, потому что вдругъ оба громко загоготали, забрякали шпорами и, проходя мимо меня, нагнулись и нахально заглянули мнѣ прямо въ лицо, да такъ близко, что почти коснулись меня своими усищами.

„Съ каждымъ шагомъ на сердцѣ у меня все больше и больше щемило. Признаюсь тебѣ откровенно, если бы въ эту минуту пришелъ кто и предложилъ мнѣ отказаться отъ свадьбы, я бы охотно убѣжала назадъ безъ оглядки.

„Наконецъ ввели меня въ какую-то комнату, пустую, съ голыми крашенными стѣнами, съ двумя де-

ревянными стульями взамѣнъ всякой мебели, оставили меня тутъ одну и велѣли подождать. Долго ли я тутъ сидѣла одна — не знаю. Время казалось мнѣ безконечнымъ. Въ головѣ все болѣе и болѣе возникало сомнѣніе: хорошо ли я поступаю? Не дѣлаю ли страшной, непростительной глупости! И всего ужаснѣе было мнѣ думать о нашей предстоящей встрѣчѣ съ Павленковымъ. Боялась я, что, чего добраго, не узнаю его. И что онъ мнѣ скажетъ? Понялъ ли меня. Я старалась вызвать въ моемъ воображеніи его образъ такимъ, какимъ онъ представлялся мнѣ всѣ прошлые дни; но какъ я ни пыталась это сдѣлать, все было понапрасну.

„Наконецъ послышались шаги, дверь отворилась и два жандарма ввели Павленкова. Какъ онъ выглядитъ; какое у него лицо, — я и сказать не могу. Помню только, что на немъ была сѣрая арестантская шинель и волосы были подстрижены подъ гребенку.

„Нѣсколько минутъ насъ оставили однихъ, жандармы отошли въ сторону и притворились, что не глядятъ.

„Чтò между нами было, я помню, какъ во снѣ. Кажется Павленковъ взялъ меня за обѣ руки и сказалъ: „спасибо, Вѣра, спасибо“! Голосъ у него оборвался; я тоже не находила, что сказать. Только, повѣришь ли, съ самой минуты, какъ онъ вошелъ въ комнату, вдругъ все мое мученіе прошло. На душѣ стало такъ свѣтло, такъ ясно. Сомнѣній—какъ не бывало. Я знала теперь, что поступила хорошо, что иначе и поступить не слѣдовало. Насъ повели въ церковь, поставили рядомъ, священникъ взялъ насъ за руки и сталъ обводить вокругъ налоя. И это все мнѣ тоже помнится теперь, какъ въ туманѣ. Одну минуту, когда пахнуло вдругъ сильно кадиломъ и пѣвчіе грянули „Исаія ликуй“! на меня даже забытье какое-то нашло, представилось мнѣ, что вовсе и не Павленковъ возлѣ меня, а Васильцевъ, — и голосъ его милый я услышала такъ ясно и отчетливо. Знаю я, хорошо знаю, что онъ бы меня одобрилъ; порадовался бы, смотря на меня. И вдругъ все

мнѣ такъ ясно представилось; вся моя жизнь въ будущемъ развернулась передо мной, какъ на картѣ. Пойду я въ Сибирь, буду тамъ при сосланныхъ состоять, буду утѣшать ихъ, служить имъ, письма ихъ на родину пересылать...

Голосъ Вѣры пресѣкся и она зарыдала.

...„И подумать, подумать только, что всю зиму-то я промаялась, ища дѣла,“ заговорила она голосомъ, звучавшимъ бодро и радостно. А дѣло-то тутъ подъ рукою — и какое дѣло! Лучшаго бы я и придумать себѣ не могла. Признаюсь тебѣ откровенно; для другой бы работы, ну хоть бы для революціонной пропаганды, для конспираціи, я бы, пожалуй, и не годилась вовсе. Ужъ тутъ большой нуженъ умъ, краснорѣчіе, умѣнье на людей дѣйствовать, ихъ себѣ подчинять, а у меня этого всего нѣтъ. Къ тому же постоянно бы меня жалость разбирала, какъ это я другихъ подъ опасность подвожу. А вотъ въ Сибирь пойти, — это совсѣмъ для меня, какъ есть настоящее дѣло! И какъ это все просто, неожиданно, будто само собой устроилось. Господи! какъ я счастлива“!

Она бросилась мнѣ на шею, и мы долго цѣловались и плакали.

Недѣль шесть спустя я стояла на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги и провожала Вѣру въ ея дальній путь. Тотчасъ послѣ вѣнчанія Павленкова услали въ Сибирь вмѣстѣ съ партіей другихъ арестантовъ. Большую часть дороги имъ предстояло пройти пѣшкомъ. Теперь пришло время и Вѣрѣ пуститься въ путь, чтобы встрѣтиться съ мужемъ уже на мѣстѣ. Она ѣхала не одна; съ ней отправлялись еще двѣ женщины, у которыхъ были — у одной дочь, у другой — мужъ въ числѣ сосланныхъ. Онѣ ѣхали, разумѣется въ 3-емъ классѣ, но это былъ еще весьма роскошный и удобный способъ путешествія въ сравненіи съ тѣмъ, какой ожидалъ ихъ впереди. Желѣзная дорога доходила въ то время только до границы Европейской Рос-

сіи; потомъ предстояло ѣхать въ телегахъ или въ саняхъ. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, т. е., если никакихъ особыхъ препятствій не встрѣтится на пути, путешествіе должно было продолжиться два-три мѣсяца. А что ожидаетъ ихъ по пріѣздѣ? Но всѣ трое, казалось, объ этомъ и не думали, всѣ трое были спокойны и какъ-то торжественно ясно радостны.

Необычайное возбужденіе, въ которомъ Вѣра находилась въ первое время послѣ своего смѣлаго шага, успѣло улечься и она опять ушла въ себя, опять стала той тихой, мечтательной, нѣсколько скрытной дѣвушкой, какой я знала ее вначалѣ. Она похудѣла только немного и казалась старше прежняго; но синіе глаза продолжали глядѣть бодро, смѣло впередъ и чрезвычайно было трогательно видѣть, какими нѣжными попеченіями окружала она своихъ двухъ спутницъ, особенно ту, которая была постарше. Всѣхъ троихъ связывала повидимому тѣсная дружба, та дружба, какую только общее несчастіе умѣетъ закрѣпить.

Народу на вокзалѣ собралось много; кто пришелъ просто изъ любопытства или участія, а у кого были родственники и друзья въ Сибири; хотѣлось послать имъ поклонъ и вѣсточку съ отъѣзжающими. Полиція, разумѣется, была въ полномъ сборѣ.

Мнѣ едва удалось перекинуться нѣсколькими словами съ Вѣрой, такъ какъ всѣ толпились вокругъ нея.

Но когда раздался послѣдній звонокъ, и поѣздъ долженъ былъ тронуться, она изъ окна протянула мнѣ руку на прощанье. Въ эту минуту мнѣ такъ живо представилась та судьба, которая ожидаетъ это прелестное юное существо, что мнѣ сдѣлалось тяжело на душѣ, и слезы такъ и покатились изъ глазъ.

„Ты обо мнѣ такъ плачешь“? проговорила Вѣра съ ясной улыбкой. „Ахъ, если бы ты знала, какъ мнѣ, напротивъ того, жалко васъ всѣхъ, васъ, которые остаетесь“!

Это были ея послѣднія слова.

